
ОЛЬГА
БЕРЕЗОВСКАЯ
ПЕПЕЛЬНОЕ
ПРОКЛЯТЬЕ
ДЛЯ ДРАКОНА

Ольга Березовская

Пепельное проклятье для дракона

«Автор»
2026

Березовская О.

Пепельное проклятье для дракона / О. Березовская — «Автор», 2026

Их связала одна ночь. Она, дочь казнённого мятежника, владеющая запретными рунами. Он, Железный Регент Севера. Дракон, привыкший повелевать огнём и судьбами. Между ними не могло быть ничего, кроме боли и тайны.Узнав о беременности, Элис инсценировала свою смерть и исчезла в ночи, унося под сердцем дитя. Десять лет спустя Железный Регент получил приказ уничтожить Пепельного Мальчика – легенду сопротивления, чьё прикосновение гасило драконье пламя. Он не знал, что охотится на собственного сына. Она не знала, что годы молчания обернутся войной.

© Березовская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Справедливый Регент 6
Глава 2. Руны на камне 13
Глава 3. Тяжесть власти 19
Глава 4: Язык тишины 29
Глава 5. Пророческий знак 38
Глава 6. Последний вечер 44
Глава 7. Великая ложь 49
Глава 8. Пепелище 57
Глава 9. Где ты? 64
Глава 10. Две жизни 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Ольга Березовская
Пепельное проклятье для дракона

Пролог

Регент взглянул на мужчину в цепях. Пленный вздрогнул и выплюнул:

- Твоё время заканчивается, дракон! Растёт уже Пепельный мальчик.

Регент замер. Вихрь из воспоминаний накрыл его. Легенда. Старая, давняя легенда, о которой уже почти все – забыли.

Говорят, в самые тёмные времена, когда драконий гнёт становится невыносим, когда слёзы матерей высыхают быстрее, чем пролитая кровь, – тогда мир рождает чудо. Оно приходит не в сиянии, не с громом и молниями. Оно приходит тихо – как тлеющий уголёк в остывшем очаге.

В стародавние времена, когда драконы ещё только учились сжигать людские поселения, жила в северных лесах женщина. Была она не простая – из древнего рода, что помнил времена до Чёрного Неба, до того, как чешуйчатые тени закрыли солнце.

Звали её Хранящей Тень. Полюбила она того, кого должна была ненавидеть. И был он не человек – из народа Золотых, из тех, кто правил небом и землёй. Но полюбила не за силу, не за власть – за тоску в глазах, за руки, которые умели не только убивать, но и гладить по волосам в темноте.

Когда родился у них сын, заплакали боги. Ибо знали: дитя это не просто так явилось в мир. В ту же ночь пришли за ними. Отец погиб, защищая вход в пещеру. Мать успела унести младенца в лес, но стрела догнала её у горной реки. Умирая, она окунула дитя в ледяную воду и прошептала последнее слово – такое древнее и сильное, что даже ветер не решился повторить его вслух.

И дитя не замёрзло. И не умерло. Оно выжило. Нашли его лесные люди, беглые, те, кто прятался от драконьего гнёта в непроходимых чащобах. Выкормили, вырастили. А когда мальчик подрос – увидели на его ладони знак. Руну. Ту самую, что выжгла мать своей последней волей.

И ещё увидели: не боится он драконьего огня. Более того – огонь его боялся. Стоило мальчику поднять руку – и пламя гасло, сворачивалось, уползало обратно в пасти чудовищ, оставляя их беззащитными, жалкими, просто большими ящерицами на человеческих ногах.

Тогда люди поняли: это не просто дитя. Это ответ. И назвали его Пепельным. Потому что там, где он проходил, драконы превращались в пепел. Не сами – их величие, их сила, их проклятая гордость. Всё рассыпалось в прах, оставляя после себя только тишину и удивлённые глаза тех, кто вдруг понял, что они – смертны.

Говорят, он живёт в лесах до сих пор. Говорят, растёт, набирается сил. Говорят, однажды выйдет из тьмы и спросит: «Кто здесь ещё помнит, что такое свобода?»

И тогда начнётся последняя битва. Или – первая надежда.

- Это – всего лишь легенда, - бросил Железный Регент и вышел прочь.

Глава 1. Справедливый Регент

В зале было очень холодно. И виною тому совсем не северные ветра, который день дувшие в узкие окна бойниц. Леденящий холод исходил от самого Регента.

Первое, что бросалось в глаза, в главном зале Ледяной Цитадели – отсутствие трона. Точнее, он был, но стоял в углу, накрытый пыльной тканью. Неуклюжий монумент из драконьего стекла и почерневшего серебра, доставшийся в наследство от предшественника. Игнис же предпочитал своё проверенное командное кресло из чёрного железа. Никаких украшений, никакой позолоты, лишь потертые подлокотники с едва заметными царапинами – следы от когтей в те минуты, когда он позволял себе забыться, и проявлялась его истинная драконья сущность.

Сейчас его руки лежали на металле кресла спокойно и неподвижно.

– Докладывай, – тихо произнёс лорд Игнис.

Ему и не требовалось повышать голос. В зале стояла такая тишина, что присутствующие даже дышать опасались. Капитан Базальт шагнул вперёд. Старый дракон в человеческом обличье давно усвоил: Регенту совершенно ни к чему лишние жесты и телодвижения. Ему нужны исключительно факты.

– Деревня Чарвуд. Три дня назад. Отказ от уплаты двойного налога. Сборщик податей, лейтенант Вэркс, применил силу. Крестьяне набросились на него с вилами и топорами. Вэркс мёртв, - Базальт помедлил. – Восемь нападавших взяты под стражу. Остальные разбежались по лесам.

Игнис молчал. Он смотрел на этих восьмерых. Мужики в грубых рубахах, с мозолистыми, иссечёнными рубцами руками, пахнущие дымом, землёй и страхом, стояли на коленях у постамента. Трое из них не поднимали голов от каменных плит. Ещё четверо мелко дрожали, вжимая плечи. И только один – седой, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, – смотрел прямо перед собой. Не дерзко, а отрешённо. Так смотрят люди, уже попрощавшиеся с жизнью. Это был деревенский староста.

Игнис не торопился с приговором. В зале не было слышно ни звука. Только треск факелов да далёкое завывание ветра в бойницах. Наконец он кивнул. Его драконье окружение знало, что означает этот безмолвный приказ. Два стражника подхватили старшину под локти и потащили ближе к постаменту. Старик не сопротивлялся. Только когда его колени ударились о ступеньку в полуметре от кресла, он поднял глаза и встретился взглядом с Регентом.

Игнис ожидал увидеть страх. Ждал мольбы, слёз, просьб о пощаде. Вместо этого старик просто смотрел. Он смотрел не на его чеканный профиль, не на эполеты главнокомандующего Северным легионом, не на знак Императорского Совета у ворота. Он смотрел в глаза. Но не как равный смотрит на равного, нет. Так смотрят приговоренные к казни на своих палачей – равнодушно, и без надежды, и без унижения.

– Назови твоё имя, – приказал Игнис.

– Горазд, – голос старшины оказался неожиданно твёрдым. – Горазд, сын Домира. Тридцать лет как староста Чарвуда.

– Тридцать лет, – повторил Игнис. – Достаточно долго, чтобы знать законы.

– Достаточно долго, чтобы знать, когда закон убивает, а когда кормит, – ответил старик дерзко, с неожиданным вызовом.

По рядам стражи пробежал сдавленный шёпот. Кто-то кашлянул. Базальт едва заметно нахмурился. Игнис же не изменился в лице.

– Поясни.

– Налоги, – старик говорил ровно, без страха, без трепета перед драконом. – В прошлом году сгорели три овина. Неурожай. Совет прислал сборщика с грамотой. Налог увеличили

вдвое. Мы попросили отсрочки, но сборщик смеялся. Сказал: «Ваши боги сгорели, когда пришли мы. Платите железом, кровью или бабами – мне всё равно». Мы платили. Два месяца. Потом стало нечем. И некем.

Игнис молчал.

– Прошение, – сказал он после долгой паузы. – Кому ты подавал прошение о снижении налога?

Старик усмехнулся. Коротко, безрадостно.

– Сборщик сказал: «Драконы всё равно. Они не слушают мольбы». Показал грамоту с печатью Совета. Сказал, что это приказ самого Регента.

Губы Игниса дрогнули. Зал замер. Ведь никто не понял – гнев это или усмешка.

– Вэркс, – произнёс он, не оборачиваясь к Базальту. – Сборщик. Он состоял в родстве с кланом Огненных Недр?

– Дальний родственник советника Хризолита, милорд, - Базальт склонил голову.

– Ясно.

Игнис откинулся в кресле. Свет факелов упал на его лицо, на миг выхватив из тени острые скулы, глубокие глазницы, плотно сжатые губы. И ни одной эмоции. Ни гнева, ни сожаления. Только усталость – но и она оказалась настолько глубок спрятана, что была почти незаметна.

– Сборщик Вэркс, – громко произнёс он, и голос его прокатился эхом под сводами зала, – обвиняется в превышении полномочий, искажении воли Регента и провоцировании мятежа.

Пауза.

– Приговор: смертная казнь. Его имя нигде не должно упоминаться. Всё его имущество уйдёт в казну Севера. Родственники отправляются жить в Чарвуд. Там пустые дома для них найдутся.

Сказать что-то никто не решился. Лишь волна вздохов пронеслась по залу. Базальт чуть приподнял бровь – едва заметный жест, который Игнис уловил краем глаза. Старый дракон едва заметно кивнул.

«Мудро, - говорил этот кивок. - *Ты не трогаешь клан открыто, но бьёшь по репутации. Совет получит сообщение. Хризолит проглотит обиду, потому что формально ты прав. И все увидят: Регент не прощает самоуправства, даже своим.»*

Игнис перевёл взгляд на старосту.

– Горазд, сын Домира.

Старик посмотрел на него.

– Ты признаёшь, что участвовал в убийстве представителя власти?

– Признаю, – голос старика впервые дрогнул.

– Хорошо, – сказал Игнис.

В зале стало невыносимо тихо, как в могиле.

– Ты и другие зачинщики приговариваетесь к смертной казни. Имущество ваших семей конфискуется, но не полностью. Только в том объёме, который покроет убытки от неуплаты налогов. Ваши семьи преследоваться не будут.

Старик закрыл глаза. Всего лишь на секунду. А когда снова открыл, в них читалась странная, почти просветлённая пустота.

– Остальные, – продолжил Игнис, не повышая голоса, – отправляются на работы по укреплению северной стены сроком на один месяц. Без кандалов. По истечении срока – возвращение в деревню с правом голоса на сходе.

Пятеро мужиков, лежавших ничком, разом вскинули головы. Один открыл рот, но не смог издать ни звука.

– Деревне Чарвуд, – Игнис говорил медленно, чеканя каждое слово, – снизить налог на треть сроком на один год. Семена для нового посева предоставить из нашей житницы, с условием возврата через два урожая без процентов.

Игнис сделал паузу.

– Ещё одно неповиновение, – его голос стал ледяным, – и я лично сожгу Чарвуду дотла. Вместе с полями, лесами и всеми, кто там живёт. Вы меня поняли?

Старик Горазд не ответил. Он смотрел на Регента – и в его глазах не было благодарности. Не было ненависти. Было только лишь изумление. *«Ты чудовище*, - читалось во взгляде старика. - *Но чудовище, которое слушает. Которое считает. Которое наказывает, но не мстит. Зачем? Что тебе с того?»*

Игнис не ответил на этот немой вопрос. Он отвернулся.

– Уведите, – бросил он страже. – Казнь сегодня на закате. Без пыток. Без публичности.

Базальт отдал короткий приказ. Стражники подхватили осуждённых, и каблуки застучали по камню. Староста Горазд уходил, не оглядываясь. Спина прямая, плечи расправлены – словно не на смерть отправился, а выиграл спор с неуступчивым господином.

Игнис смотрел ему вслед. «*Сборщик был дурак*, – подумал он. – *Мятежники – такие же отчаянные дураки. Вселенная, кажется, состоит из дураков, которых я должен расставлять по полочкам, чтобы они не перебили друг друга.»*

Он провёл пальцем по царапине на подлокотнике. След от острого когтя. Тогда, три года назад, когда пришло известие о смерти отца и назначении его, Игниса, самым молодым Регентом в истории Северных территорий. Он едва не рассёк металл тогда. Хорошо, что успел взять себя в руки.

Сейчас он контролировал себя лучше. Намного лучше. Взгляд скользнул по залу – пустые лица стражников, согнутые спины служанок, убирающих следы от сапог осуждённых. Рабыни. Вольнонаёмные. Все смотрят в пол, никто не поднимает глаз. Правильно. Так и должно быть.

И тут он увидел её. Служанка в сером платье, с тряпкой в руках, стояла у колонны чуть поодаль от других. Не убирала. Не прятала лицо. Смотрела прямо на него. Хотя нет. Не на него. На кресло. На карту за его спиной. На его руки, лежащие на подлокотниках. На его лицо. Но не заинтересованно, а мельком, как будто оценивала.

Её глаза. Серые, почти бесцветные при этом свете – но не пустые. В них не было страха. Не было подобострастия. Не было даже ненависти – той тупой, вялой ненависти, с которой большинство слуг смотрели на драконью знать.

В её глазах было любопытство. И расчёт. «*Она смотрит на меня, как инженер на сломанный механизм*, – подумал Игнис. – *Любопытно*» Он задержал взгляд на долю секунды. Ровно столько понадобилось, чтобы заметить: она не отвела глаз. Не опустила ресницы. Только чуть склонила голову – не в поклоне, а как бы принимая к сведению. После она отвернулась и принялась тереть камень тряпкой, смешиваясь с серой массой других служанок. Игнис моргнул.

– Милорд, – голос Базальта вернул его в зал. – Следующее дело. Доклад с Оловянных рудников.

– Продолжай, – сказал Игнис.

Но краем глаза он ещё долго видел серый силуэт у колонны, даже когда её там уже не было.

Кабинет Игниса был точным его отражением. Только самое необходимое и ни единой лишней детали. Никаких трофейных знамён на стенах. Никаких портретов предков в тяжёлых рамах. Только карта Северных территорий, развёрнутая во всю стену, исчерченная пометками, стрелами, цифрами квот и датами последних инспекций. У окна – рабочий стол из чёрного дуба, без резьбы, без инкрустации. На столе – чернильница, стопка докладов, и больше ничего. Ничего личного. Ничего, что можно было бы использовать как оружие против него.

Игнис стоял у карты, спиной к двери, когда Базальт вошёл. Это был их ритуал: после публичного суда – приватный разбор. Без свидетелей. Без придворных ушей. Только они, два дракона.

– Докладывай, – не оборачиваясь, бросил Игнис.

Базальт прикрыл дверь. Щёлкнул замок – от лишних глаз и от лишних ушей. Север кишел шпионами, ведь Совет в столице не скупился на оплату предательств.

– Вэркс, – начал Базальт без предисловий. – Сборщик. Я поднял его отчётность за последние полгода.

Он положил на стол тонкую папку. Игнис даже не обернулся.

– И?

– Он завышал налоги почти везде. В Чарвуде – на сто сорок процентов от утверждённой ставки. В Крибале – на сто двадцать. В Залесе – на девяносто. Разницу клал в личный карман. Имел долю с перекупщиков, которым крестьяне были вынуждены продавать скот за бесценок, чтобы расплатиться.

Пауза. Старый дракон задумался стоит ли продолжать.

– «Вэркс и К», – тихо добавил Базальт. – Половина ростовщических контор на Нижнем торге имеет его долю. Оформлено на других, но следы ведут к нему.

Игнис медленно повернулся. В полумраке кабинета его лицо казалось высеченным из того же чёрного дуба, что и стол. Ни гнева, ни удивления. Только усталость.

– И Совет, разумеется, ничего не замечал.

– Разумеется, – эхом отозвался Базальт.

– Потому что Вэркс – родственник Хризолита.

– Дальний родственник. По материнской линии.

– Это не имеет значения. – Игнис шагнул от карты, приблизился к столу. – В империи драконов не бывает дальних и близких родственников. Бывают только свои и чужие. Вэркс был своим для Совета. Мёртвый – стал разменной монетой.

Он взял папку, пролистал не глядя. Бумаги шуршали, как осенние листья под ногами.

– Налоги, – сказал он. – Реальный сбор. Сколько мы недополучили из-за воровства таких, как Вэркс?

Базальт помедлил.

– Около тридцати процентов от плана, милорд. Возможно, больше. Я не могу проверить все округа – у меня нет людей.

– У тебя есть люди. У тебя нет полномочий.

– Да, милорд.

Игнис смотрел в окно. Там, за толстым стеклом, серое мирное небо Севера давило на шпили башен.

– Совет в столице, – произнёс он медленно, – требует больше железа. Новые эскадроны. Перевооружение флота. На следующий год план увеличен ещё на четверть.

– Это невозможно, – сказал Базальт без раздумий. – Люди не вытянут. Даже если драконов на рудниках заменить полностью – не хватит живой силы. А если продолжать давить налогами...

– Мёртвые рабы не добывают руду, – закончил за него Игнис.

– Да, милорд.

Игнис вернулся к столу. Сел в кресло – такое же чёрное, такое же как в тронном в зале, только без подлокотников. Положил руки на столешницу.

– Пересмотри квоты по округам, – сказал он. – Реальные цифры. Без учёта этих чертовых накруток. К следующему Совету у меня должен быть новый план сборов.

Базальт кивнул. Он знал: это решение – вызов. Прямой, открытый. Игнис не просто восстанавливал справедливость. Он демонстративно пресекал теневые схемы, на которых держалась власть столичных кланов.

– Милорд, – начал он осторожно, – Совет может воспринять это как...

– Как то, что я выполняю свою работу, – перебил Игнис. – Моя задача – стабильность Севера. Поставки железа. Функционирование рудников. Всё остальное – неважно.

Базальт хотел возразить, но не успел. В дверь постучали. Не резко, не требовательно. Три мягких удара – и пауза. Уверенность, которая не нуждается в разрешении, но соблюдает формальности. Игнис и Базальт обменялись взглядами.

– Войдите, – сказал Игнис.

Дверь открылась бесшумно. В кабинет скользнул Советник Хризолит.

Он был драконом, но в человеческом облике это было почти незаметно. Изысканный камзол из тёмно-зелёного бархата, серебряное шитьё у ворота, тонкие пальцы, унизанные перстнями. Лицо – гладкое, без единой морщины, с мягкими, почти женственными чертами. Только глаза выдавали: вертикальные зрачки, слишком быстрые, слишком цепкие, слишком голодные для обычного человека.

– Лорд Регент, – произнёс он, и голос его струился, как тёплый мёд по льду. – Капитан Базальт. Прошу простить за вторжение без предварительного согласования.

Но он не просил прощения. Он ставил в известность. Игнис не предложил ему сесть. Хризолит не высказал недовольства в ответ. Он просто стоял у двери, сложив руки на животе, и улыбался.

– Я слышал, сегодня был суд, – продолжил советник. – Весьма показательное вышло заседание, надо заметить. Ваш приговор, милорд, уже обсуждают.

– Мои приговоры не предназначены для обсуждения, – резко ответил Игнис.

– О, разумеется-разумеется. – Хризолит склонил голову, как благовоспитанный ребёнок. – Однако позвольте старому служителю Совета выразить озабоченность.

Он сделал паузу. Достаточно длинную, чтобы тишина в кабинете стала напряжённой.

– Казнь. Лишение рода доли наследства. Публичное порицание. И всё это – в отношении представителя Императорской службы, павшего при исполнении своих обязанностей. Не слишком ли жестоко?

– Вэркс пал не при исполнении обязанностей, – холодно возразил Игнис. – Он пал при превышении полномочий и искажении воли Регента. Это совершенно другое.

– Воля Регента, – мягко повторил Хризолит, смакуя каждое слово. – Воля Регента, переданная через сборщика, облечённого доверием Совета. Крестьяне не знают тонкостей юриспруденции, милорд. Они видят лишь, что сначала сборщик сказал «платите», а позже Регент сказал «казнить». Что они запомнят?

– Что Регент карает воров и самодуров, – отрезал Игнис. – Даже если они носят мундир.

Хризолит вздохнул. Вздох был идеально сыгран – ни грамма искренности, сто процентов актёрского мастерства.

– Императорский Совет, – произнёс он доверительным полушепотом, – ценит порядок превыше временных неудобств своих подданных. Крестьяне, милорд, всегда будут недовольны. Всегда будут голодны. Всегда будут роптать. Это их природа. Как камень падает вниз, так и крестьяне всегда недовольны. Искусство управления не в том, чтобы смягчать падение. Оно заключается в том, чтобы камень падал туда, куда нужно, и тогда, когда нужно.

Он улыбнулся. Белые, ровные зубы блеснули в полумраке.

– Ваши уступки, милорд, могут быть истолкованы превратно. И врагами, и друзьями. Первые сочтут их за слабость. Вторые воспримут как приглашение к торгу.

Игнис смотрел на него. Долго, не мигая. В зале суда этот взгляд заставлял каяться убийц. Хризолит же выдержал его, как выдерживают прикосновение ледяной воды – с лёгкой, почти неуловимой дрожью, но без страха.

– Моя задача, – произнёс Игнис раздельно, – стабильность Севера. Поставки железа. Функционирование рудников. Всё остальное – методы. А методы выбираю я.

– Разумеется, – немедленно согласился Хризолит. – Разумеется, милорд. Север – ваша вотчина, ваша ответственность. И, смею заметить, ваша голова. Если Север рухнет, Совет спросит с вас. Не с умерших сборщиков, не с мятежных крестьян. Только с вас.

Он выдержал пауза и продолжил.

– Мы желаем вам только успеха, милорд. Искренне. Потому что ваш успех – успех Империи. А неудача...

Он не договорил. Не нужно было. Игнис медленно поднялся из-за стола.

– Передай Совету, – сказал он, – что сборы будут выполнены. В полном объёме. В установленные сроки. Моими методами.

– Методами, – эхом повторил Хризолит.

– Да. Моими.

Хризолит улыбнулся – и в этой улыбке впервые проступило что-то настоящее. Не мёд, не театр. А драконье – холодное, чешуйчатое, древнее.

– Я передам, милорд. Непременно.

Он поклонился – безупречный придворный поклон, рассчитанный до градуса. Развернулся. Сделал два шага к двери.

– Ах да, – обернулся он через плечо. – Совсем забыл. Мой юный протеже, лейтенант Гримкор, просил передать вам рапорт о состоянии патрульной службы. Он так старается, так хочет быть полезным. Я позволю себе гордиться им.

Вертикальные зрачки скользнули по лицу Игниса, по Базальту, замершему у стены, по карте Северных территорий за спиной Регента.

– Талантливая молодёжь, – промурлыкал Хризолит. – Наше будущее.

Дверь закрылась. Тишина в кабинете стала густой, как смола. Базальт не шевелился. Игнис смотрел на дверь, за которой только что исчезла улыбающаяся угроза.

– Он пишет доносы, – наконец выдохнул Базальт. – Еженедельно. Курьер отвозит в столицу каждую пятницу.

– Знаю.

– Гримкор... этот молодой лейтенант, о котором он говорил. Он часто совещается с Хризолитом. По ночам. Я пытался внедрить к нему осведомителя, но...

– Но Хризолит умнее твоих осведомителей.

– Да, милорд.

Игнис опустился в кресло. Внезапно он показался Базальту не правителем Севера, а просто очень усталым человеком, который слишком долго нёс тяжесть, не рассчитанную на одного. Пусть это и дракон.

– Усиль слежку за Хризолитом, – сказал Игнис. – Осторожно. Он не должен знать.

– Слушаюсь.

– И найди всех, кто связан с сборщиком. Вэрксом. Если у него были ещё родственники в столице, выясни кто, где, с кем связаны. Мне нужно знать, кто именно в Совете стоит за этой провокацией.

Базальт помедлил.

– Вы думаете, это была провокация, милорд? Вэркс мог просто воровать. По глупости.

– Воровать – да. – Игнис смотрел в стену, на карту, на крошечную точку, помеченную как Чарвуд. – Но доводить деревню до бунта, когда вокруг полно более сговорчивых сёл? Нет. Это не глупость. Это чистой воды провокация.

Он помолчал.

– Меня проверяют. Совет хочет знать, насколько я управляем. Если бы я сжёг Чарвуд – они получили бы доказательство моей лояльности и жестокости. Если бы простил – доказательство мягкости и слабости. Я выбрал третий путь, и теперь они злятся, потому что не могут вписать меня в свои схемы.

Базальт молчал. Он знал: Игнис не ждёт ответа. Он думает вслух.

– Они хотят, чтобы я был монстром, – тихо произнёс Регент. – Чтобы выжег всё дотла и остался без людей, без ресурсов, без власти. Тогда меня легко будет заменить.

Он перевёл взгляд на свои руки. Пальцы – длинные, сильные, с едва заметными чешуйками у самых ногтей – лежали на столе неподвижно.

– Но, нет. Я буду справедливым монстром. Таким, который им не по зубам.

Базальт не нашёл слов. Он просто стоял у двери и ждал.

– Свободен, – сказал Игнис. – Займись сборами. И слежкой.

– Слушаюсь, милорд.

Базальт вышел. Дверь закрылась с тихим, почти неслышным щелчком. Игнис остался один. Он сидел неподвижно, глядя на карту. Северные территории раскинулись перед ним – рудники, леса, деревни, дороги. Всё, что он должен был удержать. Всё, что тонуло в болоте интриг, недовольства, чужой алчности.

Где-то там, в этом сером однообразии, жили люди, которые считали его чудовищем. Где-то там, в столице, сидели драконы, которые считали его слишком мягким. И где-то здесь, в его собственной цитадели, плели сети те, кто ждал его падения.

«Интересно, – подумал Игнис. – *Кого они поставят на моё место, когда убьют? Гримкора? Этого чешуйчатого щенка с глазами, полными голода власти? Пусть попробуют.»*

Он усмехнулся – коротко и безрадостно. За окном темнело. Факелы в кабинете не горели, и тени сгущались, заползая в углы, обволакивая кресло с одиноким силуэтом. Игнис не двигался.

Он думал о мёртвом сборщике, о старике Горазде, которого через час выведут на плац, о бабах из Чарвуда, которые будут рыдать над свежими могилами, о Совете, который ждёт его ошибки.

И ещё – о серых глазах, которые смотрели на него сегодня утром. Без страха. Без подобострастия. Как смотрят на сломанный механизм, прикидывая, можно ли его починить или выгоднее сдать в переплавку.

«Интересная…» – повторил он про себя. Но зачем интересоваться служанкой, когда рушится Север? Игнис отогнал мысль и вернулся к карте.

Глава 2. Руны на камне

В каморке Элис не было окон. Сюда не заглядывало солнце, не просачивался лунный свет, не пробивался свет патрульных факелов. Чёрный, липкий мрак можно было разогнать только свечой.

Элис зажгла огарок. Пламя дрогнуло, отбрасывая пляшущие тени на каменные стены, на тюфяк в углу, на рассохшийся сундук, обитый ржавым железом. Она прислушалась.

В коридоре – тишина. Только далёкое завывание ветра за толстыми стенами. Ночная стража сменилась час назад, скоро патруль уйдёт в южное крыло и вернётся только к рассвету. Она была одна.

Элис опустилась на колени перед сундуком. С трудом отодвинула его, едва не оцарапав пальцы, и запустила руку в щель между стеной и сундуком. Нащупала неровность. Три года назад она заделала старую трещину между камнями. Подцепила край, кусочек извести вышел легко. Элис обновляла раствор каждую луну, чтоб сохранить место для своего тайника. Там лежал небольшой холщовый мешочек, перевязанный суровой ниткой да обломок кости.

В мешочке была сухая красная глина перемешанная с древесной угольной пылью. Знания, полученные Элис от матери, гласили: уголь забирает боль, глина удерживает форму, вместе – это ключ к закрытию памяти. Кость она нашла три года назад на пепелище собственного дома. Элис помнила, что руны нельзя наносить пальцем или палкой, руны наносятся только тем, что было когда-то живым. Кость идеально подходила – тонкая, заострённая с одного конца.

Она взяла кость. Отсыпала щепотку угольно-глиняной пыли в левую ладонь, капнула слюны – ритуал требовал влаги тела, а не воды. Размешала остриём. Чёрная кашица легла на ладонь холодным, липким пятном.

Элис поднялась. Шагнула к стене за сундуком – туда, где камень был темнее, грубее, не тронутый известкой. Там, на уровне её глаз, уже проступали десятки знаков. Одни – старые, почти стёртые, нанесённые месяцы назад. Другие – свежие, чёткие, ещё хранящие влажный блеск.

Она выбрала чистый участок. Кость коснулась камня. Рука не дрожала. Первый штрих – дуга, полумесяц, открытый вверх. Второй – пересекающая её линия, не прямая, изломанная, как удар молнии. Третий – точка в месте пересечения. Четвёртый – спираль, закрученная против солнца, уходящая внутрь себя. Руна забвения боли готова.

Мать говорила – это не магия, не заклинание, не призыв, не договор с силами, имён которых лучше не знать. Это просто язык. Язык, на котором Элис разговаривала сама с собой.

– Ты не стираешь боль, – говорила мать, склонившись над её детской рукой, неумело сжимающей птичью кость. – Боль нельзя стереть. Боль – это след. След того, что ты жива. Что тебе есть что терять. Что мир касался тебя – и оставил отметину.

Она направляла пальцы дочери, вела их по камню.

– Эта руна не убирает след. Она упаковывает его. Складывает, как чистую ткань, и убирает в дальний угол сундука. Сундук не перестаёт существовать. Но ты можешь закрыть крышку и не смотреть внутрь. До поры.

– А когда придёт пора? – спросила маленькая Элис.

Мать не ответила.

Элис смотрела на готовую руну. Влажная чёрная линия тускло блестела в свете огарка. Спираль в центре казалась бесконечной – уходящей вглубь камня, вглубь стены, вглубь неё самой.

Она закрыла глаза. Сегодняшний день лежал в ней тяжёлым, неразобранным грузом. Казнь Горазда и двоих его товарищей. Старик на плацу стоял прямо, не глядя на плаху. Перед

тем как опустить голову, он посмотрел в окно северной башни – туда, где, по слухам, находился кабинет Регента.

Игнис не вышел смотреть на казнь. Элис знала это точно – она была в зале, когда пришло известие. Он даже не оторвался от карты. Она видела, как падал топор, и ощущала запах. Запах крови – такой же, как в день, когда жгли её отца, только тогда крови было больше, и она горела вместе с книгами.

Элис открыла глаза. Руна смотрела на неё со стены чёрной спиралью. Она протянула руку, коснулась пальцем центра – там, где сходились линии. Боль не ушла. Но она устремилась куда-то вглубь, где ей было место.

«Завтра, – подумала Элис. – *Завтра я разберу сегодняшний день».* Она уже собиралась спрятать кость и уголь обратно в тайник, когда услышала стук. Три удара. Пауза. Два удара. Условный шифр. Элис замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще, ровнее – она научилась контролировать страх так же, как научилась контролировать руны.

– Входи, – сказала она тихо.

Дверь приоткрылась. В проёме показался старый Лео. Для его почтенного возраста, он двигался на удивление бесшумно. Кошачья грация, осталась ещё с тех времён, когда он был не торговцем мылом, а капитаном разведки при отце Элис. Он скользнул в каморку, прикрыл дверь. Окинул взглядом стены, сундук, огарок свечи, влажную руну на камне. Ничего не сказал. Только чуть нахмурился – глубокие морщины пролегли между бровей.

– Торговля идёт плохо, – сказал он обычным, чуть сиплым голосом. – Купцы с юга ламывают цены, а патрули на заставах требуют двойную мзду за провоз.

Элис кивнула.

– Сколько за мыло?

– Шесть монет за брусок. Свечи – по три.

– Дорого.

– Качество, – осклабился Лео. – Лучший воск, лучший жир. Не то что в столице.

Он поставил на сундук холщовый мешок, завязанный бечевой. Развязал узел неторопливо, с ленцой торговца, которому некуда спешить. Верхний слой – действительно мыло. Сероватое, грубое, пахнущее щёлочью. Под ним – несколько десятков свечных заготовок, переложенных соломой. А под соломой – свёрток. Лео вытащил его быстрым, неуловимым движением. Тонкая кожа, сложенная вчетверо. Сунул в руки Элис.

– Из порта, – сказал он, и голос его потерял торговую ленцу, стал сухим, деловым. – Вчера пришёл курьер из столицы. Наши люди перехватили донесение Хризолита.

Элис развернула кожу. Внутри лежала карта. Не официальная, такие висели в кабинетах офицеров, с чёткими линиями границ, аккуратными значками гарнизонов. Эта была грубой, наспех набросанной, с пометками на полях, сделанными торопливым, полуграмотным почерком. Маршруты ночных патрулей. Смена караулов на северных воротах. График инспекций Базальта. И – жирный крест, обведённый кружком, в трёх лигах к востоку от цитадели.

– Тайный склад, – шепнул Лео. – Хризолит держит там личную стражу. Два десятка головорезов из наёмников, драконов нет. Оружие, припасы, и, говорят, несколько пленников, которых он предпочитает не проводить через официальные казармы.

Элис смотрела на крест. Пальцы её, державшие карту, не дрожали.

– Зачем ему склад?

– Затем, что он готовится, – ответил Лео. – Не к войне с людьми, Элис. К войне с Регентом.

Она подняла глаза.

– Ты уверен?

– Уверен? – Лео усмехнулся, и усмешка эта не затронула его глаз. – Дитя, я уже тридцать лет ни в чём не уверен. Я только собираю крохи информации и пытаюсь сложить из них мозаику. Именно сейчас эта мозаика начинает складываться в узор.

Он понизил голос до едва слышного шепота.

– Хризолит положил глаз на Север. Игнис ему мешает. Слишком самостоятелен, слишком непредсказуем, слишком справедлив, по мнению Совета. Его надо убирать. Но открыто не выступишь – у Игниса армия, у него Базальт, у него репутация Железного Регента. Значит, нужно создать подходящие условия.

– Какие условия? – спросила Элис.

– Мятеж. Голод. Крах рудников. И тогда Совет скажет: «Мы же предупреждали! Лорд Игнис не справляется». И пришлёт замену. Например, многообещающего лейтенанта Гримкора, которого так заботливо опекает наш дорогой советник.

Элис молчала, переваривая информацию.

– Дела плохи, – сказал Лео, и впервые в его голосе проступила настоящая усталость. – Хризолит вынюхивает каждую щель. А его новый любимец, этот дракончик Гримкор... Ты слышала про Кривбал?

– Нет.

– Три дня назад. Хутор в пятнадцати лигах отсюда. Жителей заподозрили в симпатиях к мятежникам. Гримкор прилетел лично. Сжёг дотла. Скотину – в пепел, людей – на угли. Стариков, женщин, детей. Всех.

Элис сжала карту. Кожа хрустнула.

– Игнис знает?

– Знает. Но официально это было с разрешения Совета. Формально Гримкор не подчиняется Регенту – он в ведомстве Хризолита. Игнис может только негодовать, - Лео помолчал и продолжил. – На него наседают с двух сторон, Элис. Сверху – Совет, который хочет его сместить. Снизу – наши, которые мечтают его убить. А он между ними пытается удержать равновесие, и у него, чёрт возьми, получается лучше, чем у любого другого дракона.

Он посмотрел на неё пристально, и в этом взгляде было что-то такое, отчего у Элис сжалось сердце.

– Твоя покойная матушка была мне другом, – сказал Лео тихо. – Я поклялся ей, что присмотрю за тобой. Не дам пропасть. Не дам сгинуть в этой мясорубке.

Он шагнул ближе.

– Тебя могут вычислить, Элис. Твоя манера держаться... Ты не кланяешься, не лебезишь, не прячешь глаза. Ты смотришь на них как на равных. Драконы это чувствуют. Может, Игнис и не замечает, но Хризолит… У него же нюх на такие вещи.

Она молчала.

– Если что, – Лео сунул руку в карман куртки, вытащил крошечный, сплющенный медный жетон, – канал для побега есть. Под мостом у старой лесопилки. Три камня у мёрзлого родника. Отодвинешь средний – под ним ключ. Отнесёшь его перевозчику на пристани, скажешь: «Лео прислал за щепкой для растопки». Он проведёт тебя в Долы.

Он положил жетон на сундук. Металл тускло блеснул в свете огарка.

– Надеюсь, он тебе не понадобится.

Элис смотрела на жетон. Потом перевела взгляд на Лео.

– Я не побегу, – сказала она.

– Элис...

– Я здесь – и глаза, и уши. – Голос её был твёрд, как тот камень, на котором она рисовала руны. – В логове дракона я нужнее. Информация о передвижениях Игниса, о планах Совета, о маршрутах патрулей – это бесценно. Вы сами говорили: каждая карта, каждый график смены караулов спасает жизни.

– Спасает жизни, – эхом отозвался Лео. – А кто спасёт твою, когда Хризолит придёт за тобой?

– Я сама.

Он посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Хотел возразить, но не нашёл слов. Потому что тридцать лет войны научили его одному: когда женщина говорит «я сама» таким тоном – спорить бесполезно.

– Твоя мать была такая же упрямая, – сказал он наконец. – И отец твой тоже. Господь с тобой, дитя.

Он развернулся к двери.

– Лео.

Он остановился, не оборачиваясь.

– Спасибо, – сказала Элис. – За всё.

Старый капитан не ответил. Шагнул за порог – и темень коридора проглотила его, как вода проглатывает брошенный камень.

Дверь закрылась. Элис осталась одна. Она стояла неподвижно, глядя на пустой проём. Потом медленно опустилась на колени перед сундуком. Спрятала карту в тайник, следом – мешочек с углём, птичью кость, медный жетон. Руна на стене смотрела на неё чёрной спиралью.

«Мама, – подумала Элис. – Что мне делать?» Она протянула руку, коснулась пальцем центра спирали. Холодный камень под пальцами, холодный след высохшей глины. *«Ненавидеть его легко»*.

Она вспомнила сегодняшнее утро. Игнис в своём кресле, свет факелов на его острых скулах. Приговор – казнь и милость, скупая, просчитанная, но всё же милость. Взгляд, скользнувший по толпе и задержавшийся на ней. Не на её лице – на её глазах. *«Он же не совсем тот монстр, о котором ты говорила»*.

Воспоминание пришло незваным, как всегда. Тёплые руки матери, обнимающие её за плечи. Запах трав – сушёной мяты, полыни, зверобоя. Голос – тихий, чуть хрипловатый, уставший от долгого дня, но не уставший от любви: *«Это не колдовство, дочка. Это язык мира, который был до драконов»*. Мать брала её маленькую ладонь в свои руки, вела по камню, учила не бояться линий. *«Они его боятся, потому что не понимают. Для них всё, что старше их власти – угроза. Для нас – память»*- говорила она. Элис чувствовала тепло материнских рук, хотя прошло уже десять лет с тех пор, как эти руки обратились в пепел. *«Храни его, дочка. Однажды он станет щитом. Не для войны – для жизни. Для того, что ты захочешь защитить»* - звучал в голове голос матери.

Элис открыла глаза. Руна на стене уже высохла. Чёрные линии въелись в камень, стали его частью. Спираль уходила в бесконечность, сворачивалась внутрь себя, хранила упакованную боль. Она убрала руку.

«Я не знаю, кто он, – подумала Элис. – Монстр, тиран, справедливый правитель? Или просто такой же заложник системы, как и мы, только с другой стороны стены? Но я узнаю. Я пойму. И тогда решу, что делать с этим знанием».

Она задула свечу. Тьма в каморке стала непроглядной. Только далеко-далеко, в глубине стены, едва заметно мерцала чёрная спираль – свет, который видела только она. Элис легла на соломенный тюфяк, свернулась калачиком, прижав колени к груди.

Где-то наверху, в башне, дракон в человеческом облике смотрел на карту Севера и думал о том, как удержать равновесие в мире, который не желал равновесия. Они не знали друг о друге почти ничего. Но этой ночью оба не спали, и оба смотрели в темноту, и оба искали ответы на вопросы, которые боялись задать вслух.

Элис проснулась за мгновение до того, как дверь открылась. Не от звука, а от изменившейся тишины. Тишина в коридоре стала другой: ощущалось чьё-то присутствие. Элис не

успела ни сесть, ни открыть глаза. Она сжалась, притворяясь спящей, старалась дышать ровно и глубоко.

В дверь не стучали. Её просто открыли, без скрипа, без предупреждения. Дверные петли знали этого посетителя. Или боялись его. Элис увидела его сквозь ресницы. Игнис.

Не в парадном мундире, не в доспехах Регента. Простая тёмная куртка из мягкой, тиснёной кожи, без знаков отличия, без гербов. Сапоги без шпор. Волосы – не зачёсаны назад, как на суде, а падают на лоб, чуть влажные от воды. Он не смотрел на неё. Его взгляд сразу, без блужданий, без разведки, упал на стену за сундуком. На руну.

Элис перестала дышать. Он стоял неподвижно, рассматривая чёрную спираль, въевшуюся в камень. Света в каморке не было – огарок догорел ещё вчера, новый она не зажгла. Но ему, кажется, не нужно было света. Он видел в темноте.

– Руна угасания, – произнёс он негромко. – Или забвения?

Ровный голос не спрашивал. Он констатировал. Сердце Элис ухнуло в пятки, провалилось сквозь соломенный тюфяк, сквозь каменный пол, в самый холодный подвал цитадели.

«*Он знает. Он знает названия. Он знает, что это такое*» - пронеслось в голове Элис. Игнис повернулся к ней. Впервые за всё время, что она служила в цитадели, он смотрел на неё не сквозь, не поверх, не как на часть интерьера. Прямо. В глаза.

– Эти знаки запрещены, – сказал он. – Под страхом сожжения.

Пауза.

– Почему?

Элис села. Движение вышло медленным, почти церемониальным. Она не пыталась оправить платье, пригладить растрёпанные волосы, принять почтительную позу. Смысла не было. Он уже всё видел. Всё, что стоило скрывать, было на стене. Она подняла подбородок.

– Чтобы забыть, – сказала она.

Голос не дрожал. Элис удивилась этому. Внутри всё заледенело, как река перед долгой зимой, но снаружи – ни единой трещины.

– Чтобы забыть запах гари, когда жгли моего отца, – она говорила ровно, даже чересчур. – Чтобы забыть ваше лицо, выносящее приговор. Чтобы забыть, как пахнет собственная кожа, когда стоишь в толпе и смотришь на пламя. И знаешь, что внутри этого пламени – последние слова, которые ты никогда не услышишь.

Она смотрела на него в упор. Страха не было. Только холодная, чистая ярость.

– Разве это не то, чего вы хотите? Чтобы рабы не помнили?

Игнис молчал. Он не отвёл взгляда. Не ударил. Не позвал стражу. Он просто стоял в её каморке. Слишком большой для этого маленького пространства. Слишком тихий для своей славы, что бежала впереди него. Игнис смотрел на неё. Потом перевёл взгляд обратно на стену.

– Забвение – это слабость, – сказал он. Не ей. Себе. Или камню. Или той женщине, чьи знаки он, кажется, узнавал. – Память, даже о боли, закаляет.

Он помолчал.

– Ты хочешь стать слабой?

Вопрос повис в воздухе. Элис открыла рот – и не нашла ответа. Она ждала обвинения. Ждала ареста. Ждала, что он спросит, кто ещё знает, кто учил, где тайник, есть ли связь с сопротивлением. Ждала всего, что полагалось в этом случае. Но только не этого вопроса: «*Ты хочешь стать слабой?*»

– Я хочу... – начала она и остановилась.

Голос дрогнул впервые за очень долгое время.

– Я хочу, чтобы это кончилось, – сказала она тихо. – Боль. Страх. Ненависть. Всё это.

Игнис смотрел на руну.

– Это не кончится, – сказал он. – Никогда. Даже когда сгорят все, кто причинил тебе боль. Даже когда сгорит тот, кто выносил приговор. Ты останешься. И твоя память останется.

Он протянул руку к стене. Не касаясь, Игнис очертил пальцем контур спирали в воздухе.

– Эта руна не стирает. Она прячет. Всё остаётся на месте, просто ты перестаёшь смотреть в ту сторону. Но сундук памяти всё равно полон, Элис.

Он назвал её по имени. Она даже не заметила, когда он его узнал. Игнис опустил руку.

– Сегодня вечером, – сказал он, и голос его снова стал ровным, деловым, как на докладе. – После ужина. Явись в верхнюю библиотеку. Будешь помогать с бумагами.

Она молчала. Он посмотрел на неё – мельком, уже на выходе.

– У тебя острый ум. И этим надо пользоваться. Направлять его на уборку – расточительство.

Дверь закрылась. Тишина в каморке стала другой – пустой, остывающей. Как угли после того, как огонь ушёл дальше. Элис сидела неподвижно. «*Он знает руны. Он знает моё имя. Он не казнил. Он хочет использовать мой ум*» - мысли проносились одна за другой. Она сжала пальцы в кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Боль пришла – чистая, физическая, понятная. Хорошо. Значит, она ещё жива.

«Что это за игра?» Она непонимающе посмотрела на стену. Руна смотрела на неё чёрной спиралью. «*И в какой момент он всё-таки сожжёт меня?*» Ответа не было.

Где-то в коридоре прозвучал сигнал к утренней смене караулов. Элис медленно, поднялась с тюфяка. Опустилась на колени перед сундуком, отодвинула его, запустила руку в тайник.

Мешочек с углём. Птичья кость. Карта патрулей. Медный жетон. Всё на месте. Кроме неё самой.

Она закрыла тайник, задвинула сундук, расправила платье. Волосы – убрать под платок. Руки – вымыть в холодной воде из бадьи. Лицо – сделать пустым, как у всех служанок.

Сегодня вечером, после ужина – Верхняя библиотека. Она не знала, что её там ждёт. Но Элис точно знала, что придёт туда.

Глава 3. Тяжесть власти

Жар в кузнице был совершенно иным. Не сухое, спокойное тепло каминов, нет. А нечто живое, пульсирующее, древнее. Как дыхание проснувшегося вулкана.

Игнис стоял у наковальни. Простая холщовая рубаха, рукава закатаны до локтей. Тонкие, едва заметные белые шрамы на руках от брызг раскалённого металла, от случайных прикосновений к только что выкованной стали. Руки управлялись молотом с невероятной лёгкостью. Сотни часов, проведённые в кузне, давали о себе знать. Удар. Ещё удар. Ещё. Звон металла наполнял кузницу, отражался от каменных стен, смешивался с шипением углей и мерным дыханием мехов.

Базальт сидел на перевёрнутой бочке у входа, сложив руки на груди. Он не мешал. Знал: в эти минуты Игнис не просто куёт. Он думает. Удары молота – не работа, а ритуал. Способ обуздать хаос внутри, придать ему форму, сделать послушным.

Заготовка под молотом не становилась клинком. Игнис вообще редко ковал оружие. Для этого были оружейники. Его искусство было другим. Он подчинял материал. Заставлял бесформенный кусок железа становиться тем, чем тот никогда не был – линией, изгибом, спиралью. Абстракцией. Мыслью, отлитой в металл.

Удар.

– Вэркс, – сказал Базальт, не повышая голоса. – Я проверил все его связи.

Удар.

– Кроме того, что ты уже знаешь, он несколько раз обедал в столице с секретарём канцелярии клана Огненных Недр. Дважды встречался с агентом, который, предположительно, работает на Принца-Наследника.

Удар.

– Это ловушка, Игнис.

Молот замер где-то вверху. Игнис стоял неподвижно, глядя на остывающий металл. Потом медленно, с видимой неохотой, опустил молот на наковальню. Звук получился глухим, почти печальным.

– Я знаю, – сказал он.

Базальт ждал.

– Они хотели, чтобы я сжёг деревню, – продолжил Игнис, всё ещё не оборачиваясь. – Весь этот спектакль с двойным налогом, с грубостью сборщика, с доведением людей до отчаяния. Рассчитано идеально. Регент получает донесение о мятеже. Регент прибывает на место. Регент видит труп своего офицера и толпу вооружённых вилами крестьян. Что делает нормальный дракон на его месте?

– Жжёт, – ответил Базальт.

– Жжёт, – эхом отозвался Игнис. – Показательная казнь. Демонстрация силы. А потом Совет говорит: «Северный Регент не справляется с управлением. Слишком жесток, слишком неуравновешен. Пора вам на покой, лорд Игнис. Отдохните. Мы найдём вам замену».

Он повернулся. В свете горна его лицо казалось высеченным из той же стали, что и заготовка на наковальне. Только глаза горели – не золотом, нет. Сейчас в них был холодный металл.

– Но я не сжёг, – сказал он. – Я выслушал. Я посчитал. Я вынес приговор, который устроил бы даже самого дотошного законника из человеческих судов. И теперь они злятся.

Базальт хмыкнул.

– Злятся – это ещё мягко сказано. Хризолит уже отправил в столицу трёх курьеров за эту неделю. Гримкор каждую ночь торчит у него в приёмной, как верный пёс, ждущий подачки. А клан Огненных Недр...

Он помедлил.

– Клан Огненных Недр прислал запрос. Хотят знать, не рассматриваете ли вы возможность династического брака.

Игнис замер.

– Династический брак… – повторил он без выражения.

– У них есть дочь на выданье. Внучка главы клана. Говорят, весьма одарённая в магии огня. И очень, как бы это сказать, политически гибкая.

Игнис отвернулся. Взял щипцы, перевернул остывающую заготовку. Пламя горна лизнуло металл, и по кузнице поплыли оранжевые тени.

– Передай им, – сказал он ровно, – что Север не нуждается в династических скрепах. У меня достаточно власти, чтобы удержать свои земли без приданого.

– Я, конечно же, передам, – кивнул Базальт. – Но они не отстанут.

– Знаю.

Игнис снова взял молот. Ударил. Металл отозвался высоким, певучим звоном.

– Север – ключ к рудникам, – сказал он, словно размышляя вслух. – Рудники – ключ к перевооружению флота. Флот – ключ к гегемонии в Западном море. А гегемония...

– Это трон, – закончил Базальт.

Игнис не ответил. Молот опустился снова.

– Кто? – спросил он после долгой паузы. – Кто стоит за Хризолитом? Клан Огненных Недр заинтересован в Северных территориях, но у них нет ресурсов для прямой конфронтации. Им нужен союзник.

– Принц-Наследник? – предположил Базальт.

– Возможно. Он молод, амбициозен, ему нужны верные люди на ключевых постах. Если он посадит своего ставленника на Север, а через брак с Огненными Недрами укрепит позиции в столице...

Игнис покачал головой.

– Нет. Принц всегда действует прямолинейно. А это тонкая работа. Рассчитанная на многие годы. Кропотливая и терпеливая. Кто-то в Совете ждал моего назначения и сразу же начал плести сеть.

– Или кто-то ждал назначения любого, кто не принадлежит к его клану, – тихо сказал Базальт.

Игнис поднял глаза.

– Ты говоришь о...

– Я ни о ком не говорю, – перебил Базальт. – Я просто перебираю варианты. Как ты меня учил.

Он помолчал.

– Но если бы я предполагал, что за десятилетиями интриг на Севере стоит один и тот же человек, я бы смотрел в сторону тех, кто никогда не покидает столицу. Тех, чьи имена не произносят вслух. Тех, у кого нет клана, нет армии, нет ничего, кроме бесконечного терпения и умения ждать.

– Хризолит, – сказал Игнис.

– Хризолит – только лишь инструмент, – возразил Базальт. – Очень дорогой, очень острый, но всё же инструмент. У него нет собственных амбиций. Он служит тому, кто платит. Вопрос заключается в том: кто именно?

Игнис молчал, глядя на огонь.

– Я найду того, кто за этим стоит, – сказал он наконец. – Мне нужно время.

– Времени у тебя не так много. Ровно до следующего мятежа, который подстроят. До следующей казни, которую спровоцируют, до следующей ошибки, которую ты совершишь. А ты совершишь её, Игнис. Потому что ты не машина. Потому что ты ещё не убил в себе то, что делает тебя человеком.

Базальт осекся. Слово повисло в воздухе, тяжёлое, неуместное.

– Я не человек, – тихо сказал Игнис. – И никогда им не был.

– Нет, – согласился Базальт. – Но ты мог бы им стать. Если бы захотел.

Тишина в кузнице стала плотной, как смола. Даже огонь, казалось, горел тише. Потом Базальт кашлянул.

– А девушка? – спросил он.

Игнис замер. Молот застыл в воздухе.

– Служанка с рунами. Элис, кажется? Та, что работала в прачечной, а теперь вдруг получила доступ к твоей личной библиотеке.

Базальт говорил небрежно, почти лениво, но взгляд был острым, как лезвие.

– Весь двор только об этом и судачит. «Регент завёл себе человеческую фаворитку». «Говорят, она ведьма». «Говорят, он позволяет ей рыться в государственных документах». Хризолит просто млеет от удовольствия.

Игнис опустил молот.

– Она не фаворитка, – сказал он.

– А кто?

– Секретарь. Помощник. – Он помолчал. – Она умна. Видит то, чего не замечают мои офицеры. У неё свежий взгляд.

– И у неё жгучая ненависть к таким как ты, – поправил Базальт. – Ты сам говорил. Она ненавидит тебя. Честно, открыто, без лести. И ты решил, что лучший способ нейтрализовать врага – приблизить его к себе?

– Я решил, – медленно произнёс Игнис, – что лучший способ понять, как мыслят люди, – спросить одного из них.

Базальт фыркнул.

– И для этого тебе понадобилась именно та, чьего отца ты казнил?

Игнис молчал.

– Я помню это дело, – продолжил Базальт. – Граф-учёный. Трактат о симбиозе магий. Совет требовал показательной казни, ты не стал возражать. Сожгли старика вместе с книгами. А дочка смотрела на пламя из первого ряда.

Он помолчал.

– Ты её узнал, когда увидел в зале суда?

– Нет, – сказал Игнис. – Потом. По глазам.

– По глазам?

– У неё глаза матери. Я видел портрет в деле. Графиня была... необычная женщина. Тоже учёная. Тоже еретичка. Тоже сгорела.

Базальт присвистнул.

– И ты взял дочь двух казнённых мятежников в личные секретари. И удивляешься, почему Совет считает тебя непредсказуемым?

Игнис усмехнулся – коротко, безрадостно.

– Я всю жизнь делал то, чего от меня ждали. Был послушным сыном, правильным офицером, идеальным Регентом. И что это дал? Интриги только усилились. Враги только преумножились. Друзья... – он взглянул на Базальта, – остались только те, кто знал меня до того, как я стал «Железным».

Он взял заготовку щипцами, сунул в горн. Пламя жадно лизнуло металл.

– Может, пора перестать быть предсказуемым.

Базальт смотрел на него долго, изучающе.

– Она тебе нравится, – сказал он наконец. – Не как секретарь. Как женщина.

Игнис не ответил. Он смотрел на огонь.

– Это опасно, Игнис. Не потому, что она человек. Не потому, что она дочь мятежников. А потому, что она тебя ненавидит. И ты это знаешь. И всё равно тянешься к ней.

– Может быть, – тихо сказал Игнис, – именно поэтому и тянусь.

Он вытащил заготовку из горна. Металл светился оранжевым, почти белым от жара. Молот поднялся, замер на мгновение – и опустился.

Звон разнёсся по кузнице.

– Я не слепой, – сказал Игнис, не отрываясь от работы. – Я вижу, что она делает. Вижу, как смотрит на карты, когда думает, что я не замечаю. Вижу, как запоминает маршруты патрулей.

Базальт напрягся.

– И ты позволяешь ей это?

– Я позволяю ей думать, что она неуязвима, – перебил Игнис. – Что её игра не видна. Что она шпионит для сопротивления, а я ничего не замечаю.

Он повернул заготовку. Ударил снова.

– Но я вижу всё. И я задаю себе вопрос: зачем? Зачем она это делает? Месть? Долг? Отчаяние?

Он покачал головой.

– Но нет. Не только это. Она ищет что-то другое. Не информацию. Не слабые места. Она ищет понимание.

– Понимание чего? – спросил Базальт.

– Меня, – сказал Игнис. – Она пытается понять, что я такое на самом деле. Зачем я делаю то, что делаю. Есть ли во мне что-то, кроме холодного расчёта и драконьей жестокости.

Он опустил молот.

– И я хочу, чтобы она нашла ответ.

Базальт молчал долго.

– Ты играешь с огнём, – сказал он наконец.

– Я дракон, – ответил Игнис. – Огонь – моя стихия.

– Твоя стихия – контроль. А эта женщина, она не поддаётся никакому контролю. И ты это знаешь.

Игнис не ответил. Базальт вздохнул.

– Хризолит уже заметил твой интерес. Он шепчет на каждом углу, что Регент «зачарован человеческими штучками». Пока это только слухи. Но если он получит доказательства... если узнает, что ты позволяешь ей доступ к документам, к картам, к твоим личным планам...

– У неё нет доступа к планам, – прервал его Игнис. – Есть только к отчётам. К тому, что уже случилось, а не к тому, что должно произойти.

– А ты уверен, что разница достаточно велика?

Игнис посмотрел на него. В свете горна его лицо казалось высеченным из тёмного металла.

– Я контролирую ситуацию, – сказал он.

Базальт покачал головой.

– Тогда дай мне один приказ, и я отстану.

– Какой?

– Сжечь её руны. Те, что на стене её каморки. И отправь её в дальнюю прачечную, подальше от библиотеки, подальше от тебя, подальше от всех, кто может использовать её против тебя.

Игнис молчал.

– Это просто, – настаивал Базальт. – Один приказ. Один час работы. И угроза исчезнет.

– Угроза не исчезнет, – сказал Игнис. – Она просто переместится туда, где я не смогу её видеть. А я должен видеть.

Базальт открыл рот, чтобы возразить, но Игнис поднял руку.

– Слишком поздно, – сказал он. – Теперь она – мой ход в их игре. Я сделаю её своим секретарём. Официально. Пусть все видят. Пусть гадают.

– И что ты выиграешь этим ходом?

Игнис усмехнулся.

– Время. И внимание. Пока Хризолит будет ломать голову над тем, зачем я приблизил к себе дочь казнённого мятежника, он не будет следить за тем, что я делаю на самом деле.

– А что ты делаешь на самом деле?

Игнис взял заготовку, повертел в руках, остужающуюся, темнеющую.

– Буду учиться, – сказал он. – Научусь думать как они. Понимать их страхи, их надежды, их слабости. Эта женщина, она не просто шпионка. Она – ключ.

– К чему?

– К миру, которым я правлю. Который я должен удержать. Который я, возможно, хочу изменить.

Базальт смотрел на него с выражением, в котором смешались тревога, усталость и странное, почти отеческое сожаление.

– Ты слишком много думаешь, – сказал он. – Для дракона.

– Может быть, – ответил Игнис. – Но другого способа выжить я не вижу.

Он положил заготовку на наковальню. Металл уже остыл, потерял багровый жар, стал просто железом – бесформенным, холодным, покорным.

Игнис смотрел на него долго.

– Базальт, – сказал он тихо. – Ты помнишь, каким я был до назначения?

Старый капитан помолчал.

– Помню. Молодым. Горячим. Уверенным, что справедливость существует, а честь – не пустой звук.

– А теперь?

– Теперь ты старше. Холоднее. И всё ещё веришь в справедливость и честь. Только перестал верить, что они существуют сами по себе.

Игнис кивнул.

– Значит, я изменился.

– Нет, – сказал Базальт. – Ты просто стал тем, кем всегда был. Просто перестал это скрывать.

Игнис молчал.

– Эта девушка, – продолжил Базальт. – Элис. Ты видишь в ней себя. Такого же одинокого. Такого же злого. Такого же верящего во что-то, что давно сгорело.

Он поднялся с бочки.

– Будь осторожен, Игнис. Не потому, что она может тебя предать. А потому, что ты можешь позволить ей это сделать.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– И насчёт рун... Ты прав. Не сжигай их. Она тебе этого не простит. Даже если никогда не узнает.

Дверь закрылась. Игнис остался один. Он стоял у наковальни, глядя на остывший металл. Потом медленно положил молот, подошёл к стене, где на крюке висела его походная куртка.

Из внутреннего кармана он достал маленький, вырезанный из дерева предмет – птицу с расправленными крыльями, незаконченную, грубую, но удивительно живую. Он вырезал её вчера ночью, когда не мог уснуть, думая о серых глазах и чёрных спиралях на стене.

Он не знал, зачем её сделал. Не знал, подарит ли когда-нибудь. Не знал даже, как её назвать. Просто дерево ложилось под ножом легко, послушно, превращаясь в форму, которую он даже не планировал – просто чувствовал.

«Базальт прав, – подумал Игнис. – Это риск. Но все эти годы я был идеальным, безжизненным инструментом. И что? Интриги только усилились. Совет только окреп. Враги только умножились» Он повертел птицу в пальцах. *«Может, пора сыграть по-своему. Эта Элис, она как нерасшифрованный свиток. В ней может быть ключ к чему-то, что я забыл. К пониманию тех, кем правлю. К пониманию себя»*.

Он спрятал птицу обратно в куртку, задул горн и вышел из кузницы в тьму коридора. Где-то наверху, в своей каморке без окон, женщина с серыми глазами водила птичьей костью по камню, выводя новую спираль. Они не знали друг о друге почти ничего. Но оба этой ночью думали об одном и том же.

Библиотека пахла временем. Именно временем. Не пылью, нет. Здесь было слишком чисто для пыли. Не кожей и пергаментом – хотя книг было много, они стояли плотными рядами, корешки к корешку. Здесь пахло знанием. Тяжёлым, выверенным, разложенным по полкам, классифицированным по эпохам, войнам, императорам. И ни одного тома о магии людей.

Элис заметила это сразу, едва переступив порог. Не потому, что искала эти книги. Просто её взгляд, обученный матерью, автоматически выхватывал пустоты. Здесь, где драконы хранили свои знания, и тут не было места знаниям побеждённых.

Игнис стоял у окна. Он не обернулся на звук её шагов, а продолжал смотреть на горы. Они, словно тёмные зубья, впивались в бледное небо. Вечерний свет падал на его лицо, делая черты мягче, чем в зале суда, но жёстче, чем в её каморке утром.

– Подойди, – сказал он не оборачиваясь.

Элис шагнула вперёд. Ковёр под ногами был толстым, тёмно-бордовым, с вытканными драконьими рунами – не магическими, декоративными. Богатство, к которому она не привыкла.

– Видишь? – Игнис указал подбородком на горизонт.

Она посмотрела.

– Горы, – сказала она.

– Не просто горы. Северный хребет. За ним – Дикие Земли. Ни одной драконьей заставы. Ни одного человеческого поселения. Только лёд, камень и ветер.

Он помолчал.

– Иногда мне кажется, что туда я и отправлюсь, когда меня убьют.

Элис замерла. Она не знала, как реагировать на такие слова от Регента. Надо ли утешать? Сохранять молчание? Или это проверка – посмотреть, не дрогнет ли она?

– Вы не производите впечатления человека, который собирается умирать, – сказала она наконец.

Игнис усмехнулся – коротко, безрадостно.

– Я и не человек. Но умирать всё равно придётся. Вопрос только – когда и от чьей руки.

Он отвернулся от окна и указал на длинный стол в центре библиотеки.

– Работа.

Элис посмотрела на стол. Ей показалось, что стол прогибается под тяжестью бумаг. Стопки донесений, свитки, папки с тесёмками, рассыпанные листы, исписанные убористым почерком писарей. Беспорядок. Но Элис была уверена: даже беспорядок имел свою систему, доступную только Регенту.

– Отчёты, – сказал Игнис. – От старост человеческих поселений. Урожай, налоги, происшествия, жалобы, прошения. Всё, что поступает в цитадель за последний месяц.

Он сел в кресло у окна, вытянул длинные ноги, скрестил руки на груди.

– Я знаю, что половина из этого – ложь. Сознательная или вынужденная – неважно. Они прячут неурожай, чтобы не платить штрафы. Прячут воровство, чтобы не отвечать перед общи-

ной. Прячут болезни и нападения хищников, чтобы не звать помощь, которая может обернуться новой напастью.

Он посмотрел на неё в упор.

– Найди несоответствия. Покажи мне, где врут.

Элис сглотнула от ужаса. Бумаг было столько, что можно было утонуть. Она не знала здешних реалий, не знала цен на зерно, норм сбора налогов, маршрутов перегонщиков скота. Она была служанкой, дочерью казнённого учёного, шпионкой-любительницей – но не экспертом по экономике Севера.

– Я... – начала она.

– Только не говори «я не смогу», – перебил Игнис. – Это скучно. Просто начни.

Она закрыла рот. Подошла к столу. Села на краешек стула – не в кресло, в котором утонула бы целиком, а на жёсткий, прямой стул, предназначенный для кратких визитов. Взяла верхний лист.

Блэкрив. Деревня в сорока лигах к юго-востоку. Староста сообщает: падёж скота от «горной лихорадки». Потери – двенадцать голов крупного рогатого, двадцать семь овец. Просят снизить налог на треть. Элис отложила лист. Взяла следующий. КривБал. Падёж скота. «Затопление пастбищ». Двадцать голов. Ещё один. Розвуд. «Неурожай из-за ранних заморозков».

Элис перебирала донесения, раскладывая их веером. Её пальцы двигались быстро, даже слишком. Сработала память о том, как она помогала отцу систематизировать его заметки перед сожжением.

– Горная лихорадка, – сказала она вслух. – Это заразно?

Игнис, наблюдавший за ней из своего кресла, приподнял бровь.

– Для скота – да. Передаётся через воду, поражает лёгкие. Смертность – около сорока процентов.

– Тогда почему в соседней деревне – вот здесь, Высокий Мыс – нет ни одного случая? Они берут воду из того же ручья.

Игнис молчал. Элис пододвинула к себе карту, лежавшую на краю стола. Сравнила расположение деревень, отметила пальцем русло ручья, разделявшегося на два потока.

– Высокий Мыс выше по течению, – сказала она. – Если заражение идёт через воду, оно должно было спуститься вниз, к Блэкриву. Но тогда Высокий Мыс заразился бы первым.

Она подняла глаза на Игниса.

– Либо они врут про болезнь, либо скрывают что-то другое.

Игнис кивнул. Один раз. Коротко.

– Продолжай.

Элис снова уткнулась в бумаги.

– Лекарства, – сказала она. – В донесении сказано, что они не запрашивали помощь. Ни лекарств, ни ветеринаров, ни разрешения на забой больных животных. Если бы у них действительно пал сорок голов за месяц, они бы просили. Кричали бы. А здесь – тишина.

– И что это значит?

– Это значит... – Элис закусила губу. – Это значит, что они либо продали скот контрабандистам и теперь прикрываются болезнью, чтобы объяснить отсутствие животных и не платить налог. Либо...

Она замолчала.

– Либо? – поторопил Игнис.

– Либо они скрывают нападение хищников, – сказала Элис. – Волкорыси. Если они появились в этих лесах, крестьяне побоятся сообщать. За появление хищника на территории – штраф. За сокрытие – ещё больше. Они будут молчать до последнего.

Игнис медленно выпрямился в кресле.

– Волкорыси, – повторил он.

– Да, милорд. Я читала... – Элис осеклась. – Я слышала, что в прошлом году они уничтожили три хутора на восточных склонах. Если стая спустилась к югу, Блэкрив – первая деревня на их пути. А через месяц, когда у них закончится скот, они пойдут дальше. К рудникам.

Игнис смотрел на неё. Взгляд его изменился. Не угроза, не подозрение. Что-то другое, чего Элис не могла определить. Оценка? Переоценка?

– Хорошо, – сказал он наконец. – Очень хорошо.

Он взял со стола чистый лист, быстро набросал несколько строк, поставил личную печать – не гербовую, малую, походную.

– Утром это уйдёт капитану стражи в южном округе. Проверят Блэкрив. Если там действительно волкорыси – стаю уничтожат. Штраф за сокрытие скостят наполовину. Если контрабанда – пусть разбираются таможенники.

Он протянул лист Элис.

– Прочти.

Она прочла. Сухой, чёткий приказ. Никаких эмоций. Только факты, сроки, исполнители.

– Я не ошиблась? – спросила она.

– Нет. – Игнис взял у неё лист, сложил, запечатал. – Ты не ошиблась.

Пауза.

– Теперь вот это.

Он достал из внутреннего кармана куртки небольшой, плотно свёрнутый лист пергамента. Не грубый, крестьянский, а тонкий, почти прозрачный – дорогая бумага для важных сообщений. Положил на стол перед Элис.

– Донесение от моего человека в столице, – сказал Игнис. – Зашифрованное.

Элис смотрела на пергамент. Это было не проверкой её честности. Это было испытанием другого рода.

– Ключ, – продолжил Игнис, – смещение на число букв в названии месяца на древнем языке драконов.

Он назвал месяц. Элис не знала древнего языка драконов. Она подняла глаза. Игнис смотрел на неё спокойно, ожидающе. Он не давал ей заведомо невыполнимую задачу. Он просто проверял, на что она способна, когда у неё нет готовых ответов.

– Я не знаю языка, – сказала она.

– Я знаю.

Элис снова посмотрела на пергамент.

Цифры. Строки и строки цифр, без пробелов, без знаков препинания. Три, пятнадцать, восемь, двадцать два, один...

– Название месяца, – сказала она медленно. – На древнем языке драконов. Вы его произнесли.

– Да.

– Если я не знаю языка, я не могу вычислить длину слова. Но вы сказали, что ключ – смещение на число букв. Не на значение, не на порядковый номер, а именно на количество знаков.

Игнис молчал.

– Значит, мне не нужно знать перевод, – продолжила Элис, думая вслух. – Мне нужно знать, сколько букв в слове. Но я его не слышала – вы произнесли его слишком быстро. И даже если бы слышала, я не знаю, как оно пишется. В разных языках разная длина слов. Значит...

Она замолчала.

– Значит? – подтолкнул Игнис.

– Значит, вы дали мне ключ, которым я не могу воспользоваться, – сказала Элис. – Если только...

Она посмотрела на дату в углу донесения. Число, месяц, год – по драконьему летосчислению.

– Месяц, – сказала она. – Он указан здесь. Не названием, а номером. Десятый месяц года.

Она перевела взгляд на Игниса.

– Сколько букв в названии десятого месяца на древнем языке драконов?

Игнис чуть приподнял уголок губ.

– Узнай.

Элис выдохнула.

Она оглядела библиотеку. Книги, книги, тысячи книг. Ни одной о магии людей – но о языке драконов? Об истории, культуре, летописании?

– Где у вас словари? – спросила она.

– Третий стеллаж от окна, нижняя полка, – ответил Игнис. – Лингвистический раздел.

Она встала. Подошла к стеллажу. Провела пальцем по корешкам – кожа, пергамент, тиснёные названия на драконьей вязи, которую она едва разбирала.

«Этимологический словарь северного диалекта». «Грамматика классического периода». «Справочник каллиграфа». И наконец она нашла то, что ей было нужно. «Драконий язык для начинающих. Том I: Алфавит и базовые конструкции». Элис вытащила книгу. Пролистала до раздела «Календарь и летосчисление». Десятый месяц. Название: **«Аш-Корат»**. Она посчитала буквы. Девять.

Элис вернулась к столу, села, взяла перо. Начала расшифровывать. Цифра три – смещение на девять. Двенадцать? Нет, двенадцать минус девять – три. Третья буква алфавита. «В». Пятнадцать минус девять – шесть. «Е». Восемь минус девять – минус один. Она замерла. Потом поняла: алфавит цикличен. Минус один – это конец, последняя буква. «Я». Двадцать два минус девять – тринадцать. «Н». Один минус девять – минус восемь, восьмая с конца. «С». В–Е–Н–С... *«Венс»*. Имя? Слово?

Элис расшифровывала дальше, буква за буквой, цифра за цифрой. Пальцы дрожали, но она заставляла их быть твёрдыми. *«Венс ищет замену. Готовят молодого»*. Она замерла. Перечитала ещё раз. *«Совет ищет замену. Готовят молодого»*. Пергамент выскользнул из пальцев, лег на стол тонким, безобидным листом.

– Совет ищет замену, – сказала Элис. Голос прозвучал чужим, ровным, как у докладчика на казни. – Готовят молодого.

Игнис взял лист. Прочитал расшифровку. Сложил пергамент вдвое, потом ещё раз, ещё – пока он не превратился в плотный, твёрдый квадрат.

– Значит, так, – сказал он.

В его голосе не было удивления. Только подтверждение. Тихое, горькое «я так и знал». Он поднял глаза на Элис.

– Ты можешь быть полезной, – сказал он. – Очень полезной. Но знай: с этого момента твоя жизнь висит на волоске. И этот волосок сейчас очень тонкий. Тоньше, чем когда-либо.

Пауза.

– Откажешься?

Элис смотрела на него. Внутри неё всё кричало: *«Беги. Скажи «да», уходи, запрись в своей каморке, притворись слепой и глухой. Это не твоя война. Ты хотела только мести, только информации для сопротивления, только маленькой победы в тени. Не этого»*. Но она вспомнила лицо матери, склонённое над её детской рукой, ведущее птичью кость по камню. *«Однажды он станет щитом»*.

– Нет, – сказала Элис. – Я не откажусь.

Игнис кивнул. Один раз. Коротко.

– Хорошо.

Он спрятал сложенный пергамент в карман, поднялся из кресла. Направился к двери.

– Завтра в то же время, – бросил он через плечо. – Будет ещё работа.

Дверь закрылась. Элис осталась одна в библиотеке, за столом, заваленном донесениями о падеже скота, неурожаях, контрабанде и волкорысях. Она смотрела на свои руки. Они дрожали.

«Он доверяет мне шпионские донесения, – подумала она. – Личные, секретные, смертельно опасные. Это или гениальная проверка, или безумие». Она сжала пальцы в кулак. Дрожь утихла. *«Но это шанс. Шанс видеть их планы. Шанс узнать, кто в Совете его враг, какие у него слабые места, где он уязвим. Шанс... может быть, найти слабину. Для сопротивления»*. Она повторила это про себя, как молитву. *«Только для сопротивления»*.

Но в глубине души, там, где пряталась её боль и невысказанные вопросы, уже зарождалось что-то другое. Не предательство. Не сочувствие. Скорее любопытство.

«Кто ты, Игнис? – думала она. – Тиран, который казнит учёных и милует мятежников? Монстр, который носит в кармане деревянную птицу и смотрит на горы с тоской?И почему ты доверил мне ключ к своей гибели?»

Элис посмотрела на стеллажи, на тысячи книг, хранящих знания драконов. Ни одной о магии людей. Но теперь здесь была она. И она умела не только рисовать руны.

Глава 4: Язык тишины

Он вошёл в библиотеку, а Элис даже не вздрогнула. Удивительно, но за неделю работы здесь, она перестала вздрагивать. И не потому, что привыкла к его присутствию. К такому невозможно привыкнуть. Просто она наконец-то поняла: в библиотеке он снимает маску Регента. И что-то меняется, стоило дракону закрыть за собой дверь изнутри. Он больше не палач её отца. Не Железный монстр из солдатских страшилок. Здесь он был простым мужчиной. Почти человеком, который сидел напротив, внимательно изучал карты и говорил тихо, почти устало. Оказывается, драконы тоже устают.

Иногда их пальцы соприкасались, когда оба тянулись за одним и тем же свитком. Элис отдергивала руку первой. Он же никогда этого не делал. Просто замирал на долю секунды, а потом брал свиток, будто бы ничего не случилось.

Сегодня она впервые опоздала. По её подсчётам - на три минуты. Не нарочно, конечно. Задержалась в прачечной, помогая новой девушке разобрать бельё. Но когда вбежала в библиотеку, запыхавшаяся, с выбившейся из-под платка прядью, Игнис уже сидел на своём обычном месте около окна.

Он не смотрел на неё. Дракон внимательно смотрел в книгу. Но уголок его губ дрогнул.

– Я не назначал штрафов за опоздание, – сказал он, не поднимая глаз. – Пока что.

Элис облегчённо выдохнула. Прошла к своему стулу, села, убрала растрепавшиеся волосы под платок. Одна прядь всё равно выбивалась, падая на щёку, но она решила не обращать внимания.

– Я закончила с отчётами по южным округам, – сказала она деловито. – В трёх селениях налоги занижали, а в двух, наоборот, завышали. Один староста, похоже, ведёт двойную бухгалтерию. Я отметила разночтения, которые на это указывают. Но надо всё еще раз перепроверить на месте.

Она положила перед ним стопку бумаг. Игнис взял верхнюю, пробежался глазами.

– Хорошо, – удовлетворённо сказал он. – Завтра этим займётся Базальт. Ты устала?

Пауза затянулась. Слишком неуместным и внезапным показался этот вопрос. Элис даже замерла.

– Нет, милорд.

– Игнис, - проговорил он.

– Что? – удивилась Элис.

– Здесь , – он обвёл рукой библиотеку, – давай обойдёмся без титулов и регалий. Не «милорд», а просто... Игнис.

Она смотрела на него. И не понимала зачем ему это. Никогда драконы не позволяли себе панибратства с людьми.

– Хорошо, – наконец сказала Элис. – Игнис.

Она на мгновение запнулась, прежде чем произнесла его имя. Что-то было в этом особенное. Слишком личное. Слишком человеческое. До этого Элис никогда не произносила имя Регента вслух. Только в мыслях, да и то крайне редко. Игнис довольно кивнул, словно они заключили очень важный договор.

Мягкая, уютная тишина окутала библиотеку. За окнами ветер гнал тучи на север. Где-то внизу перекликалась стража. А здесь, в башне, было тепло от камина и многочисленных свечей. И поразительно тихо.

Элис смотрела в бумаги, но не видела ни строчки. *«Почему я до сих пор здесь?* – думала она.*– Я ведь уже получила достаточно информации для сопротивления. Маршруты патрулей, графики смен, имена офицеров, которых можно перекупить. Лео ждёт. Жетон лежит в тайнике. Один шаг – и я буду свободна»*.

Но она не уходила. Каждый вечер она поднималась в башню библиотеки, садилась за стол и работала рядом с человеком, которого должна была ненавидеть. И каждую ночь возвращалась в свою холодную каморку, чтобы нарисовать на стене очередную рану забвения. Чтобы забыть не только старую боль, но и новое, недавно появившееся, смутное, тревожное тепло в груди. *«Это работа,* – каждый раз убеждала она себя.– *Я собираю сведения. Я внедряюсь в доверие. Я делаю то, что должна».*

Но сегодня что-то мешало. Вопрос, который вертелся на языке всю неделю, наконец прорвался:

– Почему вы запретили руны? – всё же решилась спросить Элис.

Игнис поднял голову.

– Почему драконы запретили то, что было до них? – уточнила Элис. – Страх перед неизвестным? Или что-то другое?

Она не ожидали ответа. Думала, он отмахнётся, скажет что-то казённое или вообще промолчит. Вместо этого Игнис отложил перо.

– Нет, – сказал он. – Это не просто страх.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Во время Завоевания, сто двадцать лет назад, у нас был генерал. Ингвар из клана Ледяных Вершин. Его называли Непобедимым. Он не проиграл ни одного сражения за сорок лет службы.

Элис слушала, затаив дыхание.

– У него был советник, – продолжил Игнис. – Человек. Учёный, знаток древних артефактов. Ингвар доверял ему. Даже больше, чем собственному клану. Говорят, они были друзьями.

Игнис замолчал, но совсем ненадолго.

– В битве при Кровавом Перевале, когда решалась судьба Западных земель, этот советник предал его. Использовал очень древний рунный став, чтобы разорвать связь Ингвара с его внутренним пламенем. Генерал погиб. Люди выиграли то сражение. Но проиграли войну. Потому что Совет в ярости стёр с лица земли три королевства, мстя за смерть героя. Победа в одном сражении и в сотни раз больше потерь. Вот стоило ли оно того?

Игнис снова замолчал. Он смотрел в окно, на тёмные горы.

– С тех пор любое знание, связанное с рунными ставами – крамола. Причём смертельно опасная. Мы, драконы, не отличаем предателя от учёного. Для нас все вы – потомки того, кто убил Ингвара.

Элис молчала. Она думала об отце, которого сожгли за трактат о симбиозе магий. Вспоминала о матери, сгоревшей за старые книги. Подумала и о себе, рисующей руны на стене в страхе, что её поймают.

– Но это был всего лишь один предатель, – сказала она. Голос дрогнул. – Один человек, сто двадцать лет назад. А вы судите целое знание, целые поколения, всех нас – за поступок одного. Это несправедливо.

Игнис повернулся к ней.

– Мы судим по последствиям, – сказал он тихо. – Знание равносильно оружию. Любое оружие в руках врага смертельно. Нам проще уничтожить оружие, чем разбираться в природе вражды.

– Или изменить природу тех, кто боится, – возразила Элис.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ты думаешь, это возможно?

– Не знаю, – честно ответила она. – Но если не пробовать, точно не возможно.

Игнис молчал. Потом медленно, словно принимая важное решение, положил левую руку на стол. Расстегнул манжет сорочки. Закатал рукав.

– Вот, – сказал он. – Ты хотела знать, почему я понимаю руны.

Элис смотрела на его предплечье. Там не было шрама. Обычного шрама, какие она видела у солдат. Не рваная ткань, не грубый рубец. Это было пятно – размером с её ладонь, мерцающее в свете свечей, как перламутр на внутренней стороне раковины. Гладкое, бледное, с едва заметным рисунком, который она узнала бы где угодно.

Руна. Не начертанная углём или глиной, не вырезанная в камне. Руна была, словно вплавлена в саму плоть. Она стала частью его тела, его сути.

– Это не от когтя, как я говорю всем, – голос Игниса был ровным, но она уловила в нём напряжение. – Это от прикосновения к рунному ставу. В юности. Из-за обычного любопытства.

Он провёл пальцем по краю пятна.

– Мне было шестнадцать. Я нашёл обломок в руинах старой крепости, в землях, которые только что завоевал мой отец. Красивый камень с вырезанным знаком. Я не знал, что это такое. Просто почувствовал, что безумно хочу потрогать его.

– И вы прикоснулись? – спросила Элис шёпотом.

– Да. И заплатил за это.

Он поднял глаза на неё.

– Боль была ужасной. Даже не физической. Она жгла душу. Представь, что всё, что ты есть – твоя сила, твоя воля, твоя суть – начинает таять, как воск. Я едва не потерял связь с внутренним пламенем. Месяц пролежал в бреду. Отец думал, что я умру. Или, хуже, останусь пустой драконьей оболочкой.

– Но вы выжили.

– Я выжил, – кивнул Игнис. – И поклялся никогда не приближаться к тому, что не понимаю. А потом стал Регентом и поклялся, что никто другой не пострадает из-за моего любопытства.

Он опустил рукав, застегнул манжет.

– Теперь ты знаешь, – сказал он. – Это знание опасно даже для нас. Для меня.

Элис смотрела на его руку, скрытую тканью. Она хотела спросить: *«Почему вы показываете это мне?»*Хотела спросить: *«Вы доверяете мне настолько?»*Хотела коснуться пальцами того места, где под тканью мерцала руна, въевшаяся в драконью плоть. Но она не сделала ничего. Только сжала свои руки под столом так сильно, что ногти впились в ладони.

– Вы боитесь, – сказала она. – Не рун. Не знания. Вы боитесь, что это может случиться снова.

Игнис посмотрел на неё.

– Да, – честно признался он. – Боюсь.

Это было самое откровенное признание, которое она слышала от него за всё время. Элис сглотнула.

– А сейчас? – спросила она. – Когда вы смотрите на мои руны. Что вы чувствуете? Тот же страх?

– Нет. – он покачал головой.

– Почему?

Игнис молчал долго. Так долго, что Элис показалось – он уже не ответит. Потом он сказал:

– Потому что ты не артефакт. Ты – человек, который выбрал помнить, а не забывать. Ты не ослабляешь меня. Ты...

Он замолчал.

– Я? – удивлённо переспросила Элис шёпотом.

– Ты заставляешь меня думать, – сказал он. – О том, что я делаю. О том, кем я стал. О том, кем мог бы быть.

Он смотрел на неё, и в свете свечей его глаза казались не золотыми драконьими, а тёплыми, почти человеческими.

– Это страшнее любого артефакта, – добавил он тихо.

Элис не нашлась, что ответить. В груди у неё сначала что-то сжалось, а потом распустилось, как цветок, который слишком долго ждал тепла. Она знала, что должна ненавидеть его. Только потому, что он дракон. Знала, что каждое слово сочувствия ему – предательство памяти отца, матери, всех сожжённых книг и загубленных жизней. Но когда Игнис смотрел на неё так, она забывала, зачем пришла в эту библиотеку.

«Это работа, –напомнила она себе в отчаянии. – *Я здесь, чтобы собирать информацию. Я здесь, чтобы найти слабое место. Я здесь, чтобы...»* Чтобы что? *«Чтобы сидеть напротив него и слушать, как он признаётся в своих страхах? Чтобы ловить каждое его слово, каждое движение, каждую редкую улыбку? Чтобы замечать, как он устал, как тяжело ему носить эту корону? Чтобы видеть, как ему одиноко, даже в окружении сотен драконов?»*

– Ты устала, – сказал Игнис. – Иди отдыхай.

Элис покачала головой.

– Нет. Я ещё не закончила с отчётами.

– Закончишь завтра. – Он поднялся из-за стола. – Я провожу тебя.

– Не нужно, – слишком быстро ответила она. – Я знаю дорогу.

Он остановился. Посмотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде мелькнуло что-то – не обида, не разочарование. Понимание.

– Как хочешь, – сказал он.

Она собрала бумаги, сложила стопкой, поднялась. У двери обернулась.

– Игнис.

Он поднял голову от карты.

– Спасибо, – сказала она. – За то, что рассказали.

– Рассказал, – поправил он. – Без «вы», Элис.

Она кивнула.

– Спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, Элис.

Она вышла в коридор и прислонилась спиной к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах шумела кровь. Она чувствовала себя так, будто только что пробежала десять лиг, хотя прошла всего несколько шагов.

«Что со мной происходит?»– подумала она в панике.

«Это работа, – ответил внутренний голос. – Только работа. Он враг. Его руки в крови твоей семьи. Ты не имеешь права...»

«Не имею права что?»

Она не позволила себе закончить вопрос. Элис оттолкнулась от стены и быстро, почти бегом, направилась вниз, в свою холодную каморку без окон. Там она зажгла огарок, отодвинула сундук, достала мешочек с углём и птичью кость.

Руна на стене смотрела на неё чёрной спиралью. *«Упакуй это, – приказала она себе. – Сложи и убери в дальний угол. Ты не должна чувствовать. Ты не должна помнить. Ты должна только работать»*.

Она обмакнула кость в угольную пыль, поднесла к камню. И замерла. Рука не слушалась. Она смотрела на чистый участок стены, где должна была появиться новая руна, новая спираль, новый тайник для чувств, которым нет места в её жизни. И поняла: она не хочет их прятать.

Элис медленно опустила кость. Сегодня она не будет рисовать руну забвения. Сегодня она ляжет спать с этой смутной, тревожной, опасной теплотой в груди. И завтра снова придёт в библиотеку.

В тот вечер они работали долго. Если верить часам, почти три часа в тишине каждый занимался своим делом. Элис разбирала донесения из восточных округов, Игнис правил карту снабжения – перо оставляло на пергаменте тонкие линии, меняя маршруты, пересчитывая

квоты, перекраивая логистику целого края. Иногда она поднимала глаза и ловила его взгляд, уже устремлённый на неё. Никто не отворачивался первым. Колокол на главной баше пробил. От звука дрогнули стёкла. Полночь. А они и не думали расходиться.

Элис отложила перо.

– Мой отец, – сказала она.

Игнис замер. Не поднял головы, не перебил. Просто ждал, что она скажет.

– Вы знаете его как мятежника. Бунтовщика. Угрозу империи, – её голос был ровным, но пальцы, сжимавшие край стола, побелели. – В ваших записях его называют «кровавым агитатором». Пишут, что он призывал к восстанию, собирал оружие, готовил заговоры.

Она помолчала.

– Это ложь. Он никогда не брал в руки меч.

Игнис всё-таки тоже отложил своё перо.

– Он был учёным, – продолжила Элис. – Всю жизнь изучал древние тексты, руны, артефакты. Не для войны, нет. Просто, чтобы понимать. Он хотел знать, как был устроен мир до драконов. И, может быть, как нам жить в нём после вас.

Она посмотрела на полку с книгами.

– В своём последнем трактате он доказал, что драконья магия и человеческие руны могут и не уничтожать друг друга. Они не должны враждовать. Наоборот, они усиливают друг друга. Симбиоз, а не война. Понимаете? Он писал об этом с такой надеждой. Думал, что если получится показать, как это работает, драконы увидят в нас не врагов, а союзников.

Тишина была ей ответом.

– А его сожгли вместе с книгами, – сказала Элис. – На площади перед университетом. Я стояла в первом ряду. Мне тогда было двенадцать.

Она замолчала. Не потому, что всё сказала, а чтобы перевести дыхание.

– Мать тогда умоляла: не смотри. Закрой глаза, спрячь лицо, запомни его живым. Но я смотрела. Всё время. Пока его голос не стих. Пока книги не превратились в угли. Пока палачи не ушли ужинать.

Она наконец подняла глаза на Игниса.

– В ваших записях его называют «кровавым бунтовщиком». Но он никогда не пролил ничьей крови. Кроме своей собственной.

Игнис молчал. Долго, очень долго. Свеча между ними медленно оплывала, пламя дрожало, отбрасывая тени на его лицо, делая черты мягче, человечнее.

– Я помню это дело, – сказал он наконец, а Элис замерла. – Мне было двадцать три. Я только что получил первый офицерский чин. Мой отец, тогда ещё Регент, поручил мне присутствовать на процессе в качестве наблюдателя от Северного легиона.

Он говорил медленно, словно каждое слово приходилось вытаскивать из себя клещами.

– Твой отец стоял перед Советом и говорил о своём открытии. О том, что драконье пламя и человеческие руны имеют общий корень. Что когда-то наши расы не враждовали, а учились друг у друга. Что мы можем вернуться к этому, если захотим, - Игнис покачал головой. – Только всё это было уже совершенно бесполезно. Совет не слушал ни единого его слова. Они уже вынесли приговор до начала заседания. Исход была предрешена.

– И вы... – голос Элис дрогнул. – Вы голосовали?

– У меня не было права голоса. Я был только наблюдателем.

– Но вы могли сказать. Могли возразить. Могли хотя бы...

– Что? – тихо удивился Игнис. – Что я мог?

Она не ответила.

– Я сидел и молчал, – сказал он. – Думал: это политика. Я слишком молод, чтобы вмешиваться в дела Совета. Мой отец рассчитывает на меня. У меня впереди целая жизнь, чтобы

изменить систему. А этот учёный. Он был уже мёртв для всех. Ещё до того, как огонь коснулся его кожи.

Он поднял глаза на неё.

– Я ошибался.

Элис смотрела на него.

В его глазах не было защиты. Только усталость и что-то похожее на вину. Старую, выцветшую, но не стёртую годами.

– Они боялись его идей, – сказал Игнис. – Не меча. Угрозу несут не те, кто берёт в руки оружие. Угрозу несут те, кто предлагает другой путь. Потому что за ними могут пойти.

Он помолчал.

– Твой отец был опасен. Нет, не для драконов. А прежде всего – для системы. Для тех, кто держится за власть любой ценой. И они убили его за это.

– А вы? – спросила Элис. – Вы держитесь за ту же систему?

Игнис посмотрел на свои руки, лежащие на столе.

– Я держусь за Север, – сказал он. – За людей, которые от меня зависят. За порядок, без которого начнётся резня. Я держусь только за то, что могу удержать. Но я больше не верю, что этот порядок – правильный.

Элис молчала.

– Я не могу вернуть твоего отца, – сказал Игнис. – Не могу воскресить книги, которые сгорели. Не могу стереть тот день с твоей памяти.

Он поднял на неё глаза.

– Но я могу сделать так, чтобы его смерть не была бессмысленной.

– Как? – шёпотом спросила Элис.

– Помоги мне, – сказал он. – Помоги править так, чтобы не нужно было жечь учёных. Чтобы идеи не считались преступлением. Чтобы ни одна девочка больше не стояла на площади, глядя, как горит её отец.

Тишина библиотеки стала другой. Не враждебной. Не напряжённой. Тяжёлой – да, но той тяжестью, которая бывает, когда два человека держат одну ношу и не могут её отпустить, потому что иначе она раздавит их поодиночке.

– Вы просите меня? – сказала Элис медленно и удивлённо, – Меня, дочь казнённого мятежника, шпионку сопротивления, женщину, которая должна вас ненавидеть? Именно меня вы просите помочь управлять империей драконов?

Игнис смотрел на неё.

– Да, – сказал он. – Прошу.

Она ждала подвоха. Ждала, что он усмехнётся, отведёт взгляд, скажет: «Это была проверка». Ждала, что иллюзия рухнет и перед ней снова окажется Железный Регент, холодный, непроницаемый, безжалостный. Но он не усмехнулся. Не отвёл взгляд. Он просто сидел напротив и ждал её ответа.

«Это ловушка, – подумала Элис.– *Это может быть только ловушкой. Так не бывает. Драконы не просят помощи у людей. Регенты не признают ошибок. Палачи не сожалеют о казнённых»*. Но в его взгляде не было ни капли лжи. *«Боги,* – подумала она.– *Он правда сожалеет. Об отце. О том, что молчал. Обо всём. Что мне с этим делать? Как же можно ненавидеть того, кто видит твою боль и признаёт её своей?»*

Она не знала ответа. Вместо ответа Элис протянула руку. Медленно, словно сквозь воду, положила ладонь на стол рядом с его рукой. Не касаясь. Но так близко, что чувствовала тепло его кожи. Игнис смотрел на её руку. А потом, ещё медленнее, осторожнее, чем в бою, чем на допросе, он поднял свою ладонь и накрыл её пальцы. Кожа к коже. Его рука была невероятно горячей – не человеческой, драконьей, той внутренней температуры, которая плавит сталь. Но

несмотря на это, касание было лёгким, почти невесомым. Оно словно хотело спросить разрешения или предложить выбор.

Элис не отняла руку. Она смотрела на их переплетённые пальцы и чувствовала, как её собственная кожа, прохладная, человеческая, привыкает к этому теплу.

– Я не знаю, как прощать, – сказала она шёпотом. – Не знаю, смогу ли когда-нибудь это сделать. Моя мать учила меня помнить. Если я забуду тех, кто сжёг моего отца, его смерть станет бессмысленной.

– Я не прошу забыть, – едва заметно улыбнулся Игнис. – Я прошу не ненавидеть меня. Хотя бы сегодня.

– А завтра?

– Завтра мы снова будем врагами, – тихо ответил он. – Ты будешь искать мои слабости, а я буду делать вид, что не замечаю. Наш мир не изменится за одну ночь.

– Тогда зачем? – спросила Элис. – Зачем нужна эта ночь?

Игнис посмотрел на неё. В свете оплывших свечей его лицо утратило всю жёсткость, всю официальность, всю драконью отчуждённость. Остался только красивый мужчина, очень усталый, очень одинокий, очень давно не позволявший себе касаться кого-то не в бою.

– Потому что я больше не хочу быть врагом для человека, – сказал он. – Хотя бы с тобой.

Элис молчала. Она думала об отце, который верил в симбиоз. О матери, которая учила её рисовать руны защиты, а не нападения. О себе, которая провела десять лет, упаковывая боль в спирали на стене и убеждая себя, что ненависть – единственное правильное чувство.

– Я не знаю, кто я без этой ненависти, – призналась она.

– Я тоже не знаю, – сказал Игнис. – Вот давай и выясним вместе.

Она подняла на него глаза.

– Вместе, – повторила Элис.

Это было не обещанием. Не клятва. Не договор, который можно заверить печатью и подписями. Это было просто слово. Но когда она произнесла его, пальцы Игниса сжались чуть крепче, и она не отняла руку.

Они не заметили, как погасла первая свеча. Потом вторая. Потом третья. В библиотеке становилось темнее, но никто не вставал, чтобы зажечь новые. Тишина, наполненная дыханием и стуком сердец, казалась важнее света. Элис смотрела на их руки. Её ладонь под его ладонью. Тонкие, бледные пальцы, испачканные чернилами. И его – длинные, сильные, с едва заметными чешуйками у самых ногтей.

Она подумала: *«Если бы кто-то вошёл сейчас, нас бы казнили обоих. Дочь мятежника, касающаяся Регента. Регент, касающийся дочери мятежника. Идеальный скандал. Идеальный повод для Совета»*.

Игнис, словно прочитав её мысли, улыбнулся уголком губ. Как всегда, едва заметно.

– Боишься? – спросил он.

– Должна бы, – ответила она. – Но нет. Не боюсь.

– Почему?

– Потому что вы... – она запнулась. – Ты боишься сильнее.

Дракону даже не хотелось отрицать ничего. Потому что Элис была права.

– Я никогда не делал этого раньше, – сказал он тихо. – Не позволял себе. Слишком опасно. Слишком глупо. Слишком по-человечески.

– А сейчас?

– Сейчас мне всё равно, – сказал Игнис. – Впервые в жизни.

Он поднёс её руку к губам. Медленно, давая время отдернуть, отказаться, уйти. Его дыхание коснулось её пальцев – горячее, неровное. Элис не шевелилась. Он поцеловал её ладонь. Не как дракон, принимающий дань. Не как лорд, награждающий вассала. А как мужчина, кото-

рый боится спугнуть женщину и не знает, как сказать ей всё, что накопилось за эти вечера в тишине библиотеки.

– Элис, – сказал он.

Это было всё. Только её имя. И этого оказалось достаточно. Она потянулась к нему. Медленно, неуверенно, словно училась ходить заново. Он встретил её на полпути. Их губы встретились в тени оплывших свечей. И мир за окном – горы, война, Совет, сопротивление, ненависть, вина, страх – перестал существовать. Остался только он. Его губы – горячие, сухие, осторожные. Его рука, скользнувшая в её волосы, освободившая непокорную прядь, которая выбивалась из-под платка каждый вечер и которую она упрямо заправляла обратно. Его дыхание, сбившееся, неровное, почти человеческое. Она запустила пальцы в его волосы – жёсткие, тёмные, пахнущие дымом и железом. Он выдохнул ей в губы, и этот выдох был похож на стон облегчения.

– Я ждал этого, – прошептал он. – Каждый вечер. Каждую ночь. Ждал, когда ты войдёшь. И безумно боялся, что однажды не придёшь.

– Я тоже боялась, – призналась она. – Что однажды не смогу уйти.

Он прижался лбом к её лбу.

– Не уходи, – сказал он. – Сегодня. Хотя бы сегодня.

– А завтра?

– Завтра мы решим завтра.

Она кивнула. Он поднялся, потянул её за собой. Свечи догорели почти до основания, тени сгустились, спрятали стеллажи, столы, карты на стенах. Остались только они вдвоём в темноте.

– Здесь? – спросила она шёпотом.

– Никто не войдёт, – ответил он. – Сюда прихожу только я. И теперь ты.

Он опустился на широкий подоконник, притянул её к себе. Она села рядом, но Игнис тут же пересадил её к себе на колени. Элис чувствовала жар его тела даже сквозь ткань одежды. Он целовал её лицо. Лоб, виски, скулы, уголки губ. Её веки, когда она закрывала глаза. Её шею, когда она запрокидывала голову, открываясь ему. Его руки – те, что сжимали меч и молот, что подписывали смертные приговоры и чертили карты войны – сейчас двигались медленно, почти благоговейно. Расстегнули крючки на её платье, отодвинули ткань, оглаживая плечи, ключицы, изгиб спины.

– Ты дрожишь, – сказал он.

– Холодно, – солгала она.

Он улыбнулся и прижал её к себе крепче.

– Я согрею.

Он согрел. Его кожа горела, как раскалённая печь, и когда она прижалась к нему, сбросив последнюю одежду, холод действительно отступил. Остался только жар – его, их общий, заполнивший всю библиотеку, весь мир, всё пространство между землёй и небом.

Элис впервые видела его без доспехов, без мундира, без официальной брони Регента. Без всего, что делало его Железным. В темноте он был просто мужчиной. Сильным, осторожным, голодным и напуганным одновременно. Его шрамы – старые, белые – казались картой всех битв, которые он вёл в одиночку.

Она провела пальцем по самому длинному, от ключицы вниз, к груди.

– Это тоже от артефакта?

– Нет, – его голос был хриплым. – Это от отца. Когда я отказался казнить пленного.

– Ты отказался?

– Один раз в жизни. Больше не отказывался.

Она поцеловала шрам.

– Хорошо, что отказался.

Он перехватил её руку, поднёс к губам.

– Хорошо, – согласился он.

А потом он перестал говорить. Она чувствовала его внутри себя – медленно, глубоко, как пламя, проникающее в самую сердцевину льда. Это не было похоже на то, что она представляла. Никакой грубости, никакой спешки, никакой драконьей жадности. Только невероятная нежность. Только движение, синхронное, как танец, которому их никто не учил. Только тепло, разливающееся по телу, стирающее границы между «я» и «ты», между прошлым и будущим, между ненавистью и чем-то другим, для чего у неё не было названия. Она вцепилась в его плечи, когда волна накрыла её с головой. Он прижал её к себе, уткнулся лицом в изгиб шеи и замер, выдыхая её имя.

Они лежали на широком подоконнике, прижавшись друг к другу, укрытые его плащом. А за окном уже брезжил рассвет – серый, северный, холодный. Элис смотрела, как первые лучи пробиваются сквозь тучи, и думала о том, что никогда ещё не чувствовала себя такой живой.

Игнис гладил её волосы, распущенные, рассыпавшиеся по подушке из свёрнутого плаща.

– У тебя седые волосы, – вдруг сказала она. – Вот здесь, у виска.

– Знаю, – ответил он. – Появились в год моего назначения.

– От страха?

– От ответственности.

Она провела пальцем по серебристой пряди.

– Красиво.

Он поймал её руку, поцеловал запястье.

– Ты должна идти, – сказал он. – Скоро смена караула.

– Знаю.

Но она не двигалась.

– Мы опрокинули твои свечи, – сказала она. – На столе лужа воска.

– Куплю новые.

– Мы не закончили отчёты.

– Закончим завтра.

– А сегодня?

Он повернул её лицо к себе.

– Сегодня мы сделали главное, – сказал он. – Мы перестали быть врагами.

Она смотрела на него долго.

– Нет, – сказала она наконец. – Не перестали. Просто нашли место в твоей цитадели, где можно не воевать.

– Этого уже достаточно, – сказал он. – Пока.

Она кивнула. Поднялась, оделась, заплела волосы, спрятала их под платок. У двери обернулась. Игнис сидел на подоконнике, голый по пояс, укрытый только плащом, и смотрел на неё.

– Я приду сегодня вечером, – сказала она.

– Я буду ждать.

Она вышла в коридор. Сердце колотилось, губы горели, тело ныло от непривычной близости. Она чувствовала запах его кожи на своей коже, тепло его рук на своей талии.

«Что я наделала?– подумала она в панике. – *Я предала отца. Предала мать. Предала сопротивление. Предала всё, во что верила. Я отдалась врагу»*.

Но когда в своей каморке она закрыла глаза, то увидела не пепелище, не горящие книги, не лицо отца в последнюю минуту. Она увидела Игниса, целующего её ладонь. И почувствовала не стыд, а надежду.

Глава 5. Пророческий знак

Кухонные стены настолько пропитались запахом щёлока и грязной воды. Элис порой казалось, что эти запахи были частью каменной кладки. Она стояла на коленях перед большой деревянной бадьёй, погрузив руки по локоть в мыльную пену. Время от времени подступала тошнота. Оно и неудивительно. Убирать остатки вчерашнего ужина офицеров, застывший жир на тарелках, размокшие корки хлеба на дне мисок - то ещё удовольствие. Только после этого можно мыть.

Она терла медь с ожесточением, которое и не требовалось. Воспоминания прошлой ночи жгли кожу сильнее, чем горячая вода. Его руки. Его губы. Его шёпот в темноте. И это чувство – когда её тело перестало принадлежать только ей, растворилось в его тепле, стало частью чего-то большего, чем ненависть и война.

«Я приду сегодня вечером»,– сказала она.

«Я буду ждать»,– ответил он.

Она пообещала вернуться. И хотела этого. Боги, как она хотела. Элис так яростно тёрла медное блюдо, что чуть не протёрла дыру.

– Ты его либо убьёшь, либо родишь, – раздался голос за спиной. – Судя по лицу – скорее второе.

Элис замерла. Обернулась. Марта стояла в дверях уборной, подперев мощный бок рукой. Старая кухарка служила в цитадели лет пятьдесят – ещё до Игниса, до его отца. На её глазах происходили все эти драконьи разборки. Правители приходили и уходили, а кухня оставалась. Она видела сотни служанок, тысячи солдат, несколько Регентов. И её маленькие, заплывшие жиром глазки видели всё, что можно и что нельзя тоже.

– Что вы… – начала Элис.

– Не «выкай» мне, детка, – перебила Марта. – Я не твоя госпожа. И не дракон, чтоб передо мной спину гнуть.

Она шагнула на кухню, невероятно ловко для своей комплекции обходя лужицы воды на полу.

– Я тебя три года знаю. Ты всегда работала как заведённая – молча, быстро, глаз не поднимая. А сейчас? Блюдо трёшь уже пять минут, а оно не такое кж и грязное.

– Я просто не выспалась, - Элис опустила взгляд на свои руки, побелевшие от мыльной воды.

– Не выспалась она, – фыркнула Марта. – Я вчера видела, как ты в библиотеку шла. И видела, как ты оттуда вышла под утро. С растрёпанными волосами и зацелованными губами.

Элис побелела.

– Никто не видел, – быстро сказала она. – Я проверяла коридоры.

– А я старая, толстая, но очень даже невидимая, – усмехнулась Марта. – Меня никто не замечает. Это и хорошо. А то бы мы сейчас не разговаривали. А ты бы в камере у Хризолита рассказывала, каков Регент в постели.

Элис застыла.

– Я не…

– Молчи, – оборвала её Марта. – Я не осуждаю. Я сама была молодой и такой же дурой. Правда, мои драконы были попроще – крылатая стража, сержанты… До Регента я не дотянулась.

Она подошла ближе, и её лицо, обычно добродушное, стало серьёзным.

– Но ты, детка, зелёная совсем. Не знаешь, что с тобой происходит? Или уже догадываешься?

– О чём вы? - Элис непонимающе уставилась на неё.

– Сними фартук и сходи в уборную. Умойся. И послушай своё тело, - Марта вздохнула.

Элис не двигалась.

– Иди, – приказала Марта. – Я пока посуду домою.

Элис поднялась. Ноги не слушались. Она вышла в коридор, прошла несколько шагов до тесной кабинки, которую слуги использовали по нужде, закрыла за собой дверь. Прислонилась к холодной каменной стене.

«Послушай своё тело»,– сказала Марта. Она послушала. Тошнота, которая мучила её всё утро, не уходила. Грудь стала чувствительной. Вчера, когда он касался её, она думала, что это от возбуждения. А сегодня? Сегодня даже грубая ткань платья вызывала боль. И задержка. Она не придала значения. Две недели – бывает. Стресс, усталость, бессонные ночи. Она столько работала, столько переживала, столько…

Элис опустила руку на живот. Под тканью платья, под кожей, – там, где ещё ничего не чувствовалось, – могла уже расти новая жизнь. *«Нет», – подумала она. – «Не может быть. Один раз. Всего один раз он был не осторожен. Так не бывает»*. Но она знала, что бывает. Её мать забеременела ею после одной-единственной ночи с отцом, когда он приехал в её деревню с инспекцией и остался на постой. Она рассказывала об этом со смехом: «Судьба, дочка. Когда судьба стучится, она не спрашивает, сколько раз».

«Судьба,– горько подумала Элис. *-Или проклятие»*. Она вышла из кабинки, вернулась в уборную. Марта уже домывала посуду – её толстые, натруженные руки были на редкость проворны.

– Ну? – спросила она не оборачиваясь.

– Этого не может быть, – сказала Элис. – Всего пара недель прошла. Я не могу знать точно.

Марта обернулась.

– Когда у тебя были последние крови?

Элис замерла, вычисляя. Две недели. Нет, почти три. Даже больше уже. Она была так занята, так поглощена работой в библиотеке, вечерами с ним, что перестала следить.

– Тогда знаешь уже. Просто боишься признаться.

Она вытерла руки о фартук, подошла к Элис, взяла её за подбородок, повернула лицо к свету.

– Ты бледная, детка. Под глазами круги. И руки дрожат. Это не от страха. Это от того, что тело работает за двоих.

Элис молчала.

– Я видела, как ты смотришь на него, – тихо сказала Марта. – И видела, как он смотрит на тебя. Думаешь, я слепая? Думаешь, другие не замечают?

– Кто ещё? – выдохнула Элис.

– Никто. Пока. Но драконы, они хитрые. Особенно этот, Хризолит. У него глаза везде. Если он прознает, что Регент греет в своей библиотеке человеческую бабу…

Марта покачала головой.

– Грех это, детка. Красивый грех, страшный. Я не про постель – про сердце. Ты в него влюбилась, а он – дракон. Для него на первом месте – империя, а на втором – война. И поверь старухе, Регенту не до тебя будет, когда Совет припрёт его к стенке.

– Он не такой, – сказала Элис.

– Все они такие, – отрезала Марта. – Сначала не такие, а потом приходится делать выбор: власть или баба. Угадай, что выбирают?

Элис не ответила. Она думала о его глазах вчера ночью. О его голосе, когда он сказал: «Я больше не хочу быть врагом. Хотя бы с тобой». О его руках, которые держали её так, будто она была единственным настоящим в его жизни. *«Это не ложь»,*– подумала она. – *«Я видела. Я чувствовала»*.

Но Марта права в другом. Даже если он выберет её, даже если признает ребёнка, даже если бросит вызов всему Совету. Что ждёт этого ребёнка? Для драконов он будет уродом, полукровкой, оскорблением чистоты рода. Для людей – чудовищем, порождением врага, живым доказательством предательства.

А для неё самой? Она положила руку на живот. Там, внутри, пока ещё невидимый, уже жил кто-то третий. Не она. Не Игнис. Новый человек, который не просил появляться на свет в этом безумном, полном ненависти мире.

– Что мне делать? – спросила она шёпотом.

Марта посмотрела на неё долгим, тяжёлым взглядом.

– Не знаю, детка, – сказала она. – Я знаю как испечь хлеб, сварить суп, заштопать рубаху. Но с такими вещами… Тут каждая сама решает.

Она помолчала.

– Одно скажу: не тяни. Чем дольше ждёшь, тем больнее резать. И тем сложнее потом жить с тем, что отрезала.

Элис подняла на неё глаза.

– Вы предлагаете…

– Я ничего не предлагаю, – перебила Марта. – Я просто говорю, что знаю. А знаю я вот что: бабы рожали от драконов и раньше. И всегда это кончалось плохо. Либо ребёнка забирали на опыты. Либо мать сжигали как ведьму. Либо обоих убивали, чтобы не позорить честь рода.

Она взяла Элис за руку.

– Ты умная девочка. Ты сама всё знаешь. Вопрос не в том, что случится, если узнают. Вопрос в том, готова ли ты рискнуть всем – и своей жизнью, и его, и этой крошечной жизнью внутри – ради надежды, что всё будет иначе?

Элис молчала. Марта вздохнула, отпустила её руку и вернулась к посуде.

– Иди, – сказала она устало. – Работница из тебя всё равно сегодня никакая Посиди где-нибудь в тишине. Подумай. А вечером решишь, идти тебе в библиотеку или нет.

Элис вышла в коридор. Ноги несли её сами – мимо кухни, мимо кладовых, мимо лестницы, ведущей наверх, к залам и башням. Но она не пошла в библиотеку. Она спустилась ниже, в самое сердце цитадели, туда, где даже днём царил полумрак и пахло сыростью. Туда, где была её каморка.

Дверь закрылась за ней, словно отсекая мир с его вопросами и ответами. Элис опустилась на колени перед сундуком. Отодвинула тяжёлый ящик, запустила руку в тайник. Мешочек с углём. Птичья кость. Карта патрулей – старая, уже неактуальная. И медный жетон.

«Три камня у мёрзлого родника. Отодвинешь средний – под ним ключ».

Она сжала жетон в ладони.

«Беги, – шептал внутренний голос. – Беги сейчас, пока не поздно. Пока он не узнал. Пока ты ещё можешь исчезнуть бесследно, раствориться в лесах, начать новую жизнь где-нибудь за Дикими Землями, где нет ни драконов, ни людей, ни этой проклятой войны».

«А ребёнок?»

«Ребёнок вырастет свободным. Не зная, кто его отец. Не зная, что его ждало в этом мире ненависти».

«А Игнис?»

Элис замерла.

«Игнис будет думать, что ты мертва. Снова. Будет искать тебя. Будет ненавидеть себя за то, что не уберёг. Будет становиться холоднее, жёстче, безжалостнее. Станет тем монстром, которым его всегда хотели видеть. А ты будешь жить с этим».

Она разжала пальцы, посмотрела на жетон. Потом медленно, очень медленно, положила его обратно в тайник. Не сегодня. Сегодня она должна была идти в библиотеку. Смотреть ему в глаза. Слушать его голос. Чувствовать тепло его рук, когда их пальцы случайно соприкаса-

ются. И молчать. Молчать о том, кто уже растёт у неё под сердцем. Молчать о страхе, который разъедал её изнутри. Молчать о любви, которая стала самым опасным оружием в этой войне.

Она задвинула сундук, поднялась, поправила платье. Посмотрела на стену, где чёрная спираль руны Забвения уже ждала. Сегодня ей снова придётся упаковывать боль. Но сначала Элис пойдёт к нему в библиотеку.

***

Склад пах плесенью, затхлой тканью и мышиным помётом. Здесь хранили то, что уже не годилось для использования, но было жалко выбросить: рваные простыни, дырявые наволочки, солдатские портянки, превратившиеся в лохмотья. Ни один дракон не спустился бы сюда добровольно – запах человеческой грязи был для них оскорбителен. Поэтому Лео назначил встречу здесь.

Элис ждала его уже четверть часа, забившись в угол между двумя высокими штабелями гнилого текстиля. Сердце колотилось где-то в горле, мутило неимоверно. Она сжимала в кармане медный жетон – тот самый, что он дал ей неделю назад, – и пыталась унять дрожь в пальцах.

«Я скажу ему, – думала она. – *Скажу всё. Он поймёт. Он всегда понимал»*.

Шорох у двери. Лео скользнул в склад бесшумно, как тень. В полумраке его лицо казалось высеченным из старого, потрескавшегося камня – морщины стали глубже, глаза запали. Он выглядел так, словно с их последней встречи прошло десять лет, а не пара недель.

– Ты рано, – сказал он вместо приветствия. – Что-то случилось?

Элис шагнула к нему.

– Мне нужно устроить побег, – сказала она. – Как можно скорее.

– Что ты натворила? – Лео замер.

– Ничего. Всё. – Она сглотнула. – Я беременна.

Слова упали в тишину, как камни в глубокий колодец. Лео смотрел на неё. Долго. Очень долго. На его лице одна эмоция сменялась другой – удивление, неверие, понимание и, наконец, ужас.

– Нет, – сказал он хрипло. – Только не это.

– Да, – сказала Элис. – От него. От Регента.

Лео покачнулся. Оперся рукой о стену, словно земля ушла у него из-под ног.

– Дитя... – выдохнул он. – Что ты наделала?

– Я знаю, – голос Элис дрогнул. – Знаю, что это безумие. Знаю, что мне нет прощения. Но сейчас не об этом. Мне нужно уйти. До того, как он узнает. До того, как это станет заметно.

Она шагнула к нему.

– Лео, у меня есть жетон. Вы сказали – канал через канализацию, старая лесопилка, проводник. Я готова.

Лео молчал. Он смотрел на неё – не на лицо, на живот, прикрытый фартуком, на руки, судорожно сжимающие жетон.

– Дитя, – сказал он наконец. – Это безумие. Где ты будешь рожать? В лесу? На болоте? У кого ты попросишь помощи?

– Найду.

– Как ты спрячешь дитя с драконьими глазами? С чешуёй на спине? С огнём в крови?

– Спрячу.

– А если оно закричит? Если его сила проявится в младенчестве? Если оно сожжёт дом, в котором ты его спрячешь?

Элис молчала.

– Ты не думала об этом, – сказал Лео. – Ты вообще не думаешь. Только чувствуешь. Страх, вину, отчаяние. Но не думаешь.

Он выпрямился.

– Послушай меня. Останься.

Она подняла голову.

– Останься, – повторил Лео. – Продолжай работать в библиотеке. Носи свободные платья, смотри ему в глаза, слушай его планы. А когда родишь...

Он помолчал.

– Ребёнок может стать нашим величайшим оружием. Ключом к сердцу Регента. Представь: наследник драконьего престола, вскормленный молоком сопротивления. Представь, что мы сможем сделать с этой властью.

Элис смотрела на него. В её глазах не было удивления. Только ледяная, кристально чистая ясность.

– Вы хотите использовать моего ребёнка, – сказала она. – Как заложника. Как инструмент. Как разменную монету в вашей войне.

– Элис, твои родители...

– Мои родители отдали жизни за дело, в которое верили. – Её голос резанул воздух, как нож. – Они не использовали младенцев. Они не торговали чужими детьми. Они не смотрели на новорождённого и не видели в нём оружие!

Лео схватил её за руку.

– Элис! Твой отец сгорел за правду! Твоя мать сгорела за книги! Ты сама десять лет работаешь на нас, рискуя жизнью каждую минуту! Неужели ты всё предашь ради одного...

– Ради одного ребёнка? – перебила она. – Да. Ради него.

Она вырвала руку.

– Мой ребёнок – не «дело», Лео. Не символ. Не знамя. Не оружие. Он – человек. Или дракон. Или что-то третье, для чего у нас ещё нет названия. Но он не будет инструментом ни в чьих руках.

Она отступила на шаг.

– Ни в ваших. Ни в его. Ни в чьих.

Лео смотрел на неё. В его взгляде смешались горечь, усталость и странное, почти отеческое сожаление. Он видел перед собой не ту испуганную девочку, которую привёл в цитадель много лет назад. Не ту шпионку, которой гордился. Не ту дочь своих погибших друзей, которую клялся защищать. Он видел женщину, которая сделала выбор. И этот выбор был, увы, не в его пользу.

– Хорошо, – сказал он тихо. – Хорошо.

Он запустил руку во внутренний карман куртки, достал потрёпанную карту, развернул на груде тряпья.

– Вот канал, – сказал он, тыча пальцем в схему канализации. – Отсюда идёшь до старого русла, там поворачиваешь налево, потом два пролёта вниз. Выход у лесопилки.

Элис смотрела на карту, запоминая каждую линию.

– Проводник будет ждать три ночи, – продолжил Лео. – Начиная с послезавтрашней. Ты же помнишь? Три камня у мёрзлого родника. Средний камень отодвигаешь, под ним ключ. Отдашь ключ проводнику, он скажет, что делать дальше.

Он помолчал.

– Там, за лесопилкой, есть люди. Не наши. Просто люди, которые не любят ни драконов, ни сопротивления. Им всё равно, кого прятать, если платят. Они отведут тебя в Долы, а там... там ты сама.

– Спасибо, – сказала Элис.

Лео покачал головой.

– Не благодари. Я делаю это не для тебя. Я делаю это для твоей матери. Она бы не простила мне, если бы я дал тебе погибнуть.

Он свернул карту, сунул ей в руки.

– Но помни, Элис. С этого момента для сопротивления ты – предательница. Я уже не смогу тебя защитить. Не смогу предупредить. Если наши тебя найдут... если они узнают, что ты носишь драконье отродье...

– Я знаю, – сказала она. – Я буду далеко.

Лео смотрел на неё долго. Потом, не сказав больше ни слова, развернулся и вышел из склада. Тишина сомкнулась за ним, как вода. Элис осталась одна среди гнилых простыней и мышиного помёта. Она смотрела на карту в своих руках. Потом медленно сложила её, спрятала за пазуху.

«Предательница, – подумала она. – *Дочь предателя. Мать чудовища».*

Она цепляла на себя ярлыки, и ни один не ложился на душу.

«Дочь. Сирота. Шпионка. Любовница. Беглянка. Кем я стану завтра?»

Она положила руку на живот. Там, внутри, ещё ничего не чувствовалось. Ни движения, ни толчков, ни намёка на жизнь. Только лишь её знание.

«Я буду матерью, – подумала Элис. – *Буду и точка».*

Она вышла из склада. Коридор был пуст. Где-то далеко перекликалась стража, звенело оружие, скрипели сапоги по каменным плитам. Обычная ночь в цитадели. Обычная жизнь. И никто не подозревал, что через несколько дней Элис станет беглянкой. Никто, кроме неё.

Она не пошла сразу в библиотеку. Не смогла. Если бы Элис увидела его сейчас – его лицо, его руки, его глаза, которые смотрели на неё вчера с такой отчаянной надеждой, – она бы сломалась. Расплакалась. Рассказала всё. И тогда он начал бы защищать. А защищая, погиб бы.

«Лучше пусть ненавидит, – думала она, спускаясь в свою каморку.– *Лучше пусть считает меня предательницей. Лучше пусть проклинает моё имя до конца своих дней. Чем стоит на площади перед Советом и говорит: «Это мой сын, и я не отдам его». Потому что его сожгут. Вместе с сыном. Вместе со мной. Вместе со всем, что он пытался построить. «А Север достанется Гримкору».*

Она открыла дверь своей каморки. Здесь всё было по-прежнему: соломенный тюфяк, рассохшийся сундук, руна на стене – чёрная спираль, уходящая в бесконечность.

Элис опустилась на колени, отодвинула сундук, открыла тайник. Мешочек с углём. Птичья кость. Медный жетон. Карта патрулей. И стальное перо с наконечником из обсидиана. Она взяла его в руки.

Подарок. Его подарок. Первая вещь, которую он дал ей не как Регент. А как любящий мужчина. *«Оно не тупится,* – сказал он тогда. – *И. оно напоминает мне твой ум. Острый и стойкий».* Элис сжала перо в кулаке. Острая грань обсидиана впилась в ладонь. Потекла кровь – тёплая, человеческая, красная. Но она не чувствовала боли.

Она смотрела на перо и видела его лицо. Его улыбку – редкую, смущённую, почти мальчишескую. Его пальцы, протягивающие подарок. Его голос, впервые назвавший её по имени.

«Прости меня, – подумала она. – *Прости за то, что не сказала. Прости за то, что ухожу. Прости за то, что оставляю тебя одного с этой ненавистью, которая сожрёт тебя изнутри. Прости за сына, которого ты никогда не увидишь».*

Она положила перо в карман. Не в тайник. В карман, ближе к сердцу. Потом встала, подошла к стене, посмотрела на руну. Чёрная спираль ждала.

– Не сегодня, нет, – сказала Элис вслух. – Сегодня я не буду прятать боль. Сегодня я запомню всё.

Она прижала ладонь к стене. Камень был холодным. Спокойным. Бесконечно равнодушным.

– Прощай, – сказала Элис.

И вышла в коридор.

Глава 6. Последний вечер

Он улыбался. Элис никогда не видела, чтобы Игнис улыбался. Не усмехался холодно, не кривил губы в саркастической гримасе – именно улыбался. Расслабленно, почти беззащитно. Как человек, который наконец позволил себе сбросить доспехи. Это было прекрасно. И одновременно это разрывало ей сердце.

– Доклады с границ отличные, – говорил он, расхаживая вдоль стеллажей. – Волко-рысей отогнали на восточные склоны, рудники выдают рекордную выплавку, Базальт наконец нашёл того поставщика, который завышал цены на сталь. Я приказал конфисковать его склады в пользу казны в качестве предупреждения. Но оставил ему жизнь.

Он остановился у окна, повернулся к Элис. Свет угасающего дня мягко ложился на его лицо, стирая резкие тени. Почему-то сейчас Игнис казался почти юным.

– Ты была права насчёт него, кстати. Я проверил твои выкладки. Он действительно вёл двойную бухгалтерию три года.

Элис улыбнулась. Это была самая трудная улыбка в её жизни.

– Я рада, что помогла – сказала она.

Голос не дрогнул. Чудо. Игнис подошёл ближе.

– Я много думал в последние дни, – сказал он тише. – О том, что ты говорила. О твоём отце. О его трактате.

Он помолчал.

– Я не могу отменить запрет на руны. Не сейчас. Совет сожрёт меня живьём за такое решение. А Север тогда останется без управления. Но я могу начать с другого.

Он посмотрел на неё, словно искал одобрения, поддержки, понимания.

– Я хочу реформировать судебную систему в человеческих поселениях, – сказал он. – Ввести выборных старост с реальной властью. Не тех марионеток, которых назначают наши сборщики, а тех, кого выберут сами люди. Дать им право подавать прошения напрямую Регенту, минуя местных драконьих управителей.

Он говорил быстро, увлечённо. Элис показалось, что он и до неё уже долго вынашивал эту идею и наконец решился произнести её вслух.

– А потом, возможно... Нет, не разрешить. Но перестать преследовать некоторые старые обычаи. Праздники, обряды, имена. Всё, что не вредит империи напрямую. Не разрешать напрямую, а просто не замечать.

Он замолчал.

– Ты думаешь, это возможно? – спросил он.

Элис смотрела на него.

«Я люблю тебя,– подумала она. – *Я люблю тебя, и поэтому я ухожу»*.

– Я думаю, – сказала она медленно, – что ты единственный дракон в империи, который вообще задаётся этим вопросом.

Он улыбнулся той самой редкой, смущённой улыбкой, от которой у неё останавливалось сердце.

– Значит, я на правильном пути, – сказал он.

Она кивнула и прошептала про себя: *«Прости меня»*

Он отошёл к столу, порылся в ящике.

– У меня кое-что есть для тебя, – сказал он.

Элис замерла. Он достал небольшой футляр – тёмное дерево, без украшений, только едва заметная резьба по краям. Простой. Строгий. Как всё, что он делал.

– Это тебе, – сказал он, протягивая футляр. – Открой.

Её пальцы дрожали, когда она поднимала крышку.

Внутри, на бархатной подложке, лежало перо.

Стальное, тонкое, с наконечником из полированного обсидиана. Чёрный камень мерцал в свете свечей, как ночное небо. Перо было лёгким, идеально сбалансированным – смертоносное оружие в руках каллиграфа.

– Для отчётов, – сказал Игнис. В его голосе появилась странная, почти мальчишеская застенчивость. – Оно не тупится. Я заказал его у лучшего оружейника Севера. Он подумал, что я схожу с ума – платить такие деньги за письменную принадлежность.

Он помолчал.

– И оно напоминает мне твой ум. Острый и стойкий.

Элис смотрела на перо. В её кармане, ближе к сердцу, уже лежало другое перо – то, что она взяла из тайника. Тоже стальное, тоже с обсидиановым наконечником. Его первый подарок. Теперь у неё было два пера. Два подарка на память о нём. И ещё один. Самый главный.

– Спасибо, – сказала она. Голос сорвался в шёпот. – Я буду беречь его.

Игнис протянул руку и накрыл её пальцы своими. Всего на секунду. Тепло его ладони обожгло холодную кожу. Она чувствовала каждый шрам, каждую мозоль, каждую линию на его руке. Как будто его ладони были картой, которую она училась читать всю жизнь.

– Завтра я уезжаю, – сказал он. – С Базальтом на север. Волко-рыси снова появились у старых рудников, нужно разобраться. Вернусь через неделю.

Он сжал её пальцы чуть крепче.

– Присмотри за библиотекой, – сказал он. – И за отчётами. Без тебя всё снова превратится в хаос. Я не разберусь потом.

Она кивнула. Не смогла говорить.

– Элис, – сказал он.

Она подняла глаза.

– Когда я вернусь... – он запнулся. – Мы могли бы...

Он не закончил. Вместо этого он просто смотрел на неё – и в его взгляде было всё. Все невысказанные слова, все обещания, которые он боялся дать, все надежды, которые он не решался назвать по имени.

– Да, – сказала она. – Когда ты вернёшься.

Он улыбнулся. Отпустил её руку.

– Мне пора, – сказал он. – Базальт будет ругаться, если я опоздаю к выступлению.

Она кивнула. Он пошёл к двери. Остановился на пороге.

– Элис.

– Да?

– Я... – он помолчал. – Ничего. Когда вернусь – скажу.

Дверь закрылась. Элис осталась одна.

Она стояла неподвижно, сжимая в руках футляр с пером. Потом медленно опустилась на стул, который ещё хранил тепло его тела.

«Когда вернусь – скажу».

Завтра он уедет на север. А следом ночью она уйдёт через канализацию к старой лесопилке, где её будет ждать проводник. Они разминутся во времени. Как два корабля в ночи – один уходит в порт, другой выходит в открытое море.

«Прости меня,– подумала она. – *Прости за то, что не доверилась. Прости за то, что не дала тебе выбора. Прости за сына, которого ты никогда не увидишь. Прости за всё»*.

Она сидела в тишине библиотеки, и свечи догорали одна за другой.

***

Элис не знала, зачем поднялась сюда. Не хотелось оставаться в своей каморке. Да и попрощаться надо с этим местом. Всё-таки столько лет тут прожила.

Ноги несли её сами. Мимо спящих казарм, мимо пустых коридоров, мимо стражника у южных ворот, который кивнул ей как знакомой и пропустил без вопросов. Она сказала: «Свежий воздух, голова кружится». Он поверил. Почему бы ему не верить? Она выглядела как служанка, у которой выдалась тяжёлая ночь.

Тяжёлая ночь. Самая тяжёлая в её жизни. В кармане лежало два стальных пера. Под платьем, на голой коже – карта побега. В животе – новая жизнь, о которой никто не знал.

Элис стояла у зубчатой стены и смотрела на просыпающийся Север. Внизу, у подножия цитадели, лежала деревушка. У неё не было названия – просто несколько десятков домов, прилепившихся к стенам, как ракушки к днищу корабля. Здесь жили те, кто обслуживал цитадель: прачки, конюхи, мясники, портные. Люди, которые никогда не увидят ничего, кроме серого камня и серого неба, и умрут, так и не узнав, что такое свобода.

Сейчас в этой деревне горел дом. Элис заметила огонь не сразу – сначала подумала, что это просто отблеск рассвета на соломенных крышах. Но пламя росло слишком быстро, слишком жадно, и через минуту она уже видела чёрный дым, поднимающийся к небу, как погребальный костёр.

– Боги, – выдохнула она.

Рядом с ней на посту стояла старая подзорная труба – реликвия прошлых войн. Ей давным-давно никто не пользовался. Элис схватила её, навела на резкость. Картинка дрогнула, поплыла, потом стала чёткой.

Гримкор. Молодой дракон в своём истинном облике – чешуя цвета запёкшейся крови, крылья с рваными краями, пасть, полная дыма и огня. Он стоял перед горящим домом и с явным удовольствием наблюдал, как пламя лижет почерневшие балки.

Рядом с ним, в человеческом облике, заложив руки за спину, стоял Хризолит. На его лице не было ни жестокости, ни удовольствия. Только скука человека, который делает грязную работу и хочет поскорее с ней покончить.

Из дома вытаскивали людей. Первым – мужчину. Кузнец, судя по мозолистым рукам и кожаному фартуку. Он вырывался, кричал, пытался броситься обратно в огонь, где, наверное, осталось что-то важное. Но солдаты держали крепко.

Второй – женщину. Молодая, светловолосая, в разорванном платье. Она не кричала. Смотрела на горящий дом пустыми глазами и, кажется, даже не понимала, что происходит.

Третьей – девочку. Лет десяти. Худенькая, босая, в одной ночной рубашке. Она прижимала к груди что-то маленькое, тряпичное, и плакала беззвучно – широко открытым ртом, в котором не хватало переднего зуба.

Элис вцепилась в подзорную трубу так, что костяшки пальцев побелели.

Хризолит подошёл к девочке. Он был почти ласков – наклонился, взял её за подбородок, повернул лицо к свету. Что-то спросил. Девочка ответила, всхлипывая. Протянула ему свою игрушку. Тряпичная кукла. Самодельная, грубая, с волосами из пакли и глазами-пуговицами. На платье куклы – детской рукой, криво, но старательно – были нарисованы какие-то знаки. Не руны. Просто каракули. Солнышко, цветочек, волнистая линия – наверное, река.

Хризолит посмотрел на куклу. Потом повернулся к Гримкору. Кивнул.

Пламя ударило в кузнеца – ослепительно-белое, сжигающее мгновенно. Он даже не успел закричать. Просто превратился в обугленный силуэт, рассыпавшийся пеплом на камни.

Женщина упала на колени. Её крик был так тонок, так пронзителен, что Элис услышала его даже здесь, на башне, за сто шагов и сорок футов высоты. Девочка смотрела на пепел, в который превратился её отец. Она не плакала больше. Просто стояла, сжимая куклу, и смотрела.

Гримкор облизнулся – длинным, раздвоенным языком – и повернулся к Хризолиту. Спросил что-то, кивнув на девочку. Хризолит покачал головой. Сказал что-то короткое.

Гримкор усмехнулся. Усмешка дракона с пастью, полной кинжальных зубов, от которой хотелось отшатнуться. Протянул лапу, сгрёб девочку вместе с куклой, взмыл в небо. Мать осталась на коленях посреди пепелища.

Хризолит не взглянул на неё. Развернулся и пошёл прочь, сопровождаемый солдатами. Огонь догорал.

Элис опустила подзорную трубу. Руки дрожали. Всё тело дрожало. Ей казалось, что она сейчас упадёт со стены, разобьётся о камни внизу, и это будет милосерднее, чем стоять здесь и смотреть, как мир пожирает сам себя.

«Для допроса», – крикнул кто-то из солдат. Она знала, что это значит. Не быстрый допрос. Не честный суд. Не милосердная смерть. Девочку с куклой – с солнышком, цветочком и рекой, нарисованными детской рукой – отвезут в подвалы Хризолита. Будут допытываться, чтобы понять: что это за знаки? Кто научил? Где другие еретики? А когда поймут, что это просто каракули, – всё равно убьют. Быстро. Или медленно. Какая разница? Она уже мертва. С той секунды, как Хризолит увидел её куклу.

Элис прислонилась к холодному камню стены. *«Вот что ждёт моего ребёнка»*. Мысль пришла ясная, холодная, невыносимо отчётливая. *«Не быстрая смерть. Не милосердный топор палача. Допрос. Изучение. Чтобы понять природу гибрида»*.

Она положила руку на живот. Там, внутри, ещё не родившийся, ещё не знающий, что такое свет и воздух, спал её сын. Или дочь. Маленький комочек клеток, в котором уже текла драконья кровь. Элис сжала зубы. Страх ушёл.

Осталась только ярость – холодная, чистая, кристальная. Она не жгла, как пламя Гримкора. Она замораживала, делала каждую мысль острой, как обсидиановое перо в её кармане.

«Нет. Никогда». Она смотрела на догорающий дом, на женщину, всё ещё стоящую на коленях среди пепла, на дым, поднимающийся к серому небу. *«Ты будешь свободным, малыш. Или умрёшь свободным. Но не игрушкой в их лабораториях»*.

Она оттолкнулась от стены. Руки больше не дрожали. Ноги не подкашивались. Голова была ясной, как горный ручей. Она знала, что делать.

Внизу, у южных ворот, её остановил тот же стражник.

– Нагулялась? – спросил он добродушно.

– Да, – ответила Элис. – Голова прошла. Спасибо.

Он кивнул, отворачиваясь.

Она сделала шаг. Второй. Третий.

– Эй, – окликнул он.

Элис замерла.

– Ты это... – он замялся, подбирая слова. – В деревне сегодня неспокойно. Драконы там, патруль. Ты лучше в ближайшие дни не ходи туда. Продукты наши привезут.

– Хорошо, – сказала Элис. – Не пойду.

Она вернулась в замок. В коридоре она столкнулась с Мартой. Старая кухарка несла корзину с овощами, увидела лицо Элис и остановилась.

– Дитя, – сказала она тихо. – Ты видела?

– Видела.

Марта помолчала.

– Эту девочку... я её знала. Она приходила на кухню, просила обрезки теста для куклы. Я давала. Думала, пусть ребёнок радуется.

– Её увезли в цитадель, – сказала Элис. – К Хризолиту.

Марта перекрестилась.

– Господи помилуй.

Элис смотрела на неё.

– Марта. Вы спрашивали, готова ли я рискнуть всем ради надежды, что всё будет иначе.

– Помню.

– Я не готова, – сказала Элис. – Я не верю в надежду. Я верю в бегство.

Она шагнула к лестнице.

– Дитя... – начала Марта.

– Не провожайте меня, – не оборачиваясь, сказала Элис. – И не ищите. Для всех я сегодняшней ночью умру.

– А для него?

Элис замерла на ступеньке.

– Для него, – сказала она, – я умерла вчера.

Глава 7. Великая ложь

Поздним вечером Элис всё-таки вернулась в свою каморку. Не потому что здесь было что-то ценное. Всё ценное она носила с собой уже несколько дней. Два пера у сердца, жетон в кармане, карта побега зашита в подкладку платья. Здесь оставалось только прошлое. Но прошлое тоже нужно было похоронить.

Элис зажгла огарок – последний, на донышке жестяной плошки. Пламя дрогнуло, отбрасывая пляшущие тени на знакомые стены, на соломенный тюфяк, на рассохшийся сундук.

Она опустилась на колени перед очагом. Огонь здесь разжигали редко – каморка отапливалась от общей печи, и свой личный очаг служил скорее для вида, чем для тепла. Но сегодня он очень пригодится.

Элис достала из-под тюфяка стопку бумаг. Заметки. Наблюдения. Крошечные записи, сделанные её собственным почерком на обрывках пергамента, на полях старых донесений, на клочках, которые она тайком выносила из библиотеки.

Маршруты патрулей. Имена офицеров, которые брали взятки. Графики смены караулов. Слабые места в охране цитадели. Информация на миллион золотых. Информация, ради которой Лео держал её здесь три года.

Она бросила первую страницу в огонь. Бумага вспыхнула мгновенно – сухая, тонкая, пропитанная чернилами. Языки пламени лизнули строчки, и они исчезли, одна за другой.

«Южные ворота – смена караула в 2:47, патруль возвращается через 12 минут».

Пепел.

«Капитан Арден – берёт мзду с контрабандистов, 15% от груза».

Пепел.

«Хризолит встречается с Гримкором каждую пятницу, после заката».

Пепел.

Элис смотрела, как горят её труды. Три года шпионажа, три года риска, три года двойной жизни – всё превращалось в чёрные хлопья, оседающие на дне очага. Она не чувствовала сожаления. Только усталость.

Следующей пошла карта. Не та, что лежала у сердца. Другая, старая, с пометками, которые она делала в первый год службы у Лео. Дрожащая линия побега, которую она рисовала, ещё не зная, что когда-нибудь ею воспользуется. Огонь съел и её.

Потом настал черёд личного дневника Элис. Тонкая тетрадь в кожаном переплёте, единственное, что осталось от её прежней жизни. Она вела его с двенадцати лет, с того самого дня, когда стояла на площади и смотрела, как горит отец.

Элис открыла последнюю страницу.

«Сегодня он улыбнулся. Настоящей улыбкой, не той холодной гримасой, которую он носит как маску. Я думала: так вот как ты выглядишь, когда не надо быть Регентом. Когда можно просто быть. Я запомню эту улыбку. Даже когда буду далеко».

Она вырвала страницу. Бросила в огонь. Потом закрыла тетрадь и положила её сверху. Бумага горела медленно, неохотно – плотная, хорошая бумага, купленная на деньги, которые она экономила от жалованья. Элис смотрела, как пламя лижет переплёт, как коробится кожа, как чернильные строки вспухают пузырями и исчезают навсегда.

«Дорогой дневник, сегодня я впервые увидела дракона вблизи. Он страшный. У него глаза как расплавленное золото».

«Дорогой дневник, маму сожгли сегодня. Я не плакала. Я вообще больше никогда не буду плакать».

«Дорогой дневник, меня отправляют в цитадель. Лео говорит, я должна притворяться служанкой и слушать. Я буду слушать. Я запомню всё».

«Дорогой дневник, его зовут Игнис».

Огонь догорал. Элис смотрела на пепел.

– Прощай, – сказала она. – Прощай, девочка, которая верила, что ненависть спасёт мир.

Пепел, конечно же, не ответил. Она подошла к стене, где чёрная спираль ждала её. Руна Забвения. Десять лет она рисовала её снова и снова, упаковывая боль в бесконечные витки. Сегодня она её сотрёт.

Элис достала из тайника мокрую тряпку – приготовила заранее, намочила в бадье перед уходом. Провела по камню. Чёрная пыль потекла вниз грязными разводами. Первый виток исчез. Второй. Третий. Спираль сворачивалась в обратную сторону, уходила в небытие, как уходит вода в сливное отверстие.

– Я больше не прячу боль, – сказала Элис, стирая руну. – Я несу её с собой. Всю. Каждую крупицу.

Последний штрих исчез под тряпкой. Камень стал чистым.

Таким же, как десять лет назад, когда она впервые переступила порог этой каморки. Элис провела пальцем по пустой стене.

– Я всё помню, – сказала она. – Каждую секунду.

Она открыла сундук. Здесь хранилось то, что не нужно было для побега. Но оставлять это нельзя. Несколько платьев, стоптанные башмаки, запасные чулки. Всё то, что делало её невидимой, серой, обычной.

На самом дне, под слоем ветоши, лежало другое платье. Элис узнала его сразу. Серое. Грубое. Слишком большое для неё тогдашней – ей было двенадцать, и она утопала в этом мешковатом балахоне, когда её привезли в цитадель. Лео купил его на базаре за три медяка, потому что в её собственной одежде, пропитанной дымом пожарища, нельзя было показаться на пороге драконьего гнезда.

Она не надевала его с тех пор. Не могла. Но и выбросить не могла тоже. Элис достала платье из сундука. Расправила на коленях. Ткань была грубой, колючей, цвета зимнего неба перед снегопадом. Никаких украшений, никакой вышивки, никаких следов индивидуальности. Идеальная униформа для той, кого не должно быть видно.

«В этом платье я перестала быть дочерью учёного, – подумала она. – В этом платье я стала служанкой. Тенью. Никем».

Она поднялась. Медленно, словно в трансе, расстегнула крючки на своём тёплом, добротном платье – том, что купила в прошлом году на ярмарке, тёмно-синем, с узорчатой тесьмой по вороту. Сняла его, аккуратно сложила на тюфяк. Надела серое.

Ткань неприятно царапнула кожу. Платье всё ещё было великовато – она поправилась за эти годы, но не настолько, чтобы заполнить этот бесформенный мешок. Оно висело на ней, как на вешалке, скрывая все изгибы тела, делая её плоской, бесполой, невидимой.

Элис посмотрела на своё отражение в оковах сундука. Из мутной глубины на неё смотрела девочка, которая пришла сюда десять лет назад. Те же серые глаза. Та же упрямая складка губ. Та же решимость не плакать, чего бы это ни стоило. Только теперь у этой девочки внутри росла новая жизнь.

– Я возвращаюсь к началу, – сказала Элис своему отражению. – Но я не та, что была раньше.

Отражение молчало. Она собрала вещи. Тёплая шерстяная шаль – в узелок. Сухари, сыр, вяленое мясо – в узелок. Фляга с водой, кресало, небольшой нож – в узелок. Два пера – в карман, ближе к сердцу. Жетон – туда же. Она оглядела каморку в последний раз.

Вот угол, где стоял сундук. Здесь она прятала тайник. Здесь рисовала руны, молилась матери, плакала по ночам, когда никто не видел. Вот тюфяк, на котором она спала. Три года бессонных ночей, три года кошмаров, три года пробуждений с мыслью: «Сегодня меня пой-

мают». Вот очаг, в котором только что сгорели все следы её прошлой жизни. Вот дверь, за которой начиналась другая жизнь.

– Прощай, – сказала Элис. – Прощай, моя тюрьма.

Она помолчала.

– Прощай, моё убежище.

Голос дрогнул.

– Прощай, место, где я научилась любить.

Она шагнула к двери. Остановилась. Вернулась к тюфяку. Всё-таки взяла своё синее платье – тёплое, красивое, с узорчатой тесьмой. Сунула в узелок. Не потому что оно могло пригодиться. В лесах, в изгнании ей нужна была более тёплая одежда, а не красота. Просто это платье она купила в тот день, когда Игнис впервые назвал её по имени. *«Элис»*. Она сжала платье в кулаке.

– Я заберу это с собой, – сказала она. – Чтобы помнить.

Коридор спал.

Элис стояла в тени своего дверного проёма и слушала тишину. Где-то далеко, в южном крыле, перекликалась стража – глухие, размеренные голоса, убаюканные рутиной. Здесь, в коридоре для прислуги, не было ни патрулей, ни часовых. Кому придёт в голову охранять прачек и судомоек?

Она ждала. Сердце билось ровно, спокойно. Какое-то удивительное спокойствие перед бурей. Она перестала бояться. Перестала сомневаться. Осталась только холодная, кристальная ясность: сейчас или никогда.

Из вентиляционной решётки под потолком донёсся звук. Мышиная возня. Три быстрых шороха, пауза, ещё два. Элис выдохнула.

«Начали». Она скользнула в коридор. Стражник у лестницы – молодой парень, человеческий, не дракон – клевал носом, прислонившись к стене. Вентиляционный шорох заставил его поднять голову, нахмуриться, прислушаться. Мыши.

Он поморщился, потёр затекшую шею, зевнул. Потом, решив, что мыши – не его проблема, отлепился от стены и неторопливо направился в противоположный конец коридора, подальше от назойливого звука. Спиной к ней.

Элис не побежала. Бег привлекает внимание. Она просто пошла – быстрым, деловым шагом человека, которому нужно срочно попасть в подсобку за тряпками. Дверь хранилища льняного масла была не заперта. Кому придёт в голову воровать дешёвое масло для ламп?

Она скользнула внутрь. Запах ударил в нос – тяжёлый, маслянистый, приторно-сладкий. Здесь хранили то, чем заправляли тысячи ламп по всей цитадели: дешёвое льняное масло, отжатое из семян, смешанное с животным жиром для густоты. Оно горело ровно, коптило умеренно и стоило копейки. Идеальное топливо для пожара.

Элис не колебалась. Она подошла к ближайшей бочке, наклонила, толкнула. Тяжёлая, почти полная – её хватило бы на месяц освещения для всего этажа. Бочка качнулась, замерла на грани равновесия. Элис толкнула сильнее.

Дубовая клёпка с глухим стуком ударилась о каменный пол. Бочка опрокинулась. Масло хлынуло чёрной, вязкой волной. Оно растеклось быстро, жадно, заполняя щели между камнями, впитываясь в пыль, в солому, в забытую кем-то ветошь. Запах стал невыносимым – густым, удушливым, пьянящим.

Элис отступила к двери. В руках у неё была длинная полоса ткани – старая простыня, которую она припасла ещё вчера. Она опустила один конец в лужу масла, пропитала, пропитала до самой середины.

Второй конец потянула за собой в коридор. К своей двери. К своей каморке. К своей прошлой жизни.

В комнате было темно. Элис не зажигала света – ей не нужно было видеть. Она знала каждый угол, каждый камень, каждую щель в стене. Три года она жила здесь. Три года ненавидела, училась, влюблялась. И три года готовилась к этому моменту.

На тюфяке уже кто-то лежал. Элис подошла ближе. Молодая женщина, почти девочка – лет семнадцати, не больше. Бледное, исхудавшее лицо, запавшие глаза, тонкие пальцы, сложенные на груди. Чахотка. Она умерла сегодня днём в лазарете для прислуги, и никто не пришёл забрать её тело – ни родственников, ни друзей, никого. Лео позаботился.

Элис смотрела на мёртвую девушку.

– Прости меня, – прошептала она. – Ты даже не знаешь, что умираешь во второй раз.

Она накрыла тело своим старым одеялом – серым, стёганым, с вылезшими на углах нитками. Завернула, как куклу в пелёнки.

Потом достала из кармана обгорелую щепку. Она подобрала её у печи. Кусочек дерева, обугленный с одного конца, ещё хранящий тепло огня. Она сжала его в ладони, и он оставил на коже чёрный след сажи. Теперь она положила щепку рядом с головой мёртвой девушки.

Рядом – маленький, оплавленный кусочек металла. Старая заколка, купленная на рынке за два медяка, ничем не примечательная. Не та, что он подарил – ту она уносила с собой. Но Хризолит не будет разглядывать украшения на обгоревшем трупе. Элис отошла на шаг.

– Теперь ты – это я, – сказала она. – Спи спокойно.

Мёртвая девушка не ответила.

Она вернулась в коридор.

Промасленная тряпка лежала у порога, как змея, свернувшаяся кольцами. Другой конец уходил в хранилище, в лужу масла, в разлитое топливо для будущего пламени.

Элис опустилась на колени. В руке у неё было кресало. Она ударила камнем о камень. Искра. Ещё одна. Ещё. Промасленная ткань вспыхнула мгновенно.

Огонь побежал по тряпке быстро, жадно, с весёлым, почти радостным шипением. Языки пламени лизали ветошь, набирали силу, росли. Элис смотрела, как огонь приближается к её двери. К её прошлому. К её лжи.

– Прощай, – сказала она.

И побежала.

В коридоре уже поднимался крик. Кто-то увидел огонь, закричал, забил тревогу. Захлопали двери, застучали сапоги, зазвенели колокола. Пожар! Пожар в крыле для прислуги! Все наверх, все к колодцам, тащите вёдра, тушите, тушите!

Элис бежала в противоположную сторону. Туда, где в углу, за грудой рассохшихся ящиков, притаилась решётка в полу. Болты она подпилила ещё неделю назад – по ночам, по минутам, пока никто не видел. Сейчас они держались только на честном слове и ржавчине. Она вцепилась пальцами в холодный металл. Дёрнула. Решётка поддалась с протяжным, мучительным скрипом. Элис не оглядывалась.

Она слышала, как позади неё с рёвом рухнула дверь её каморки, выпуская наружу пленённое пламя. Слышала крики, топот, звон воды о камни. Слышала, как рушится её прошлая жизнь.

Она скользнула в чёрную, зловонную дыру канализации. Решётка с грохотом встала на место. Тьма здесь была абсолютной.

Элис стояла по щиколотку в ледяной воде, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось, лёгкие горели, пальцы судорожно сжимали край люка. Сверху, сквозь щели в решётке, пробивался оранжевый свет. Пламя. Элис смотрела на этот свет.

– Гори, – прошептала она. – Гори, моя прошлая жизнь. Превращайся в пепел.

Она не плакала. Слёзы кончились десять лет назад, на площади, где горел её отец.

А она просто смотрела.

Тьма здесь пахла смертью. Не той, что приходит с мечом палача на плацу. Другой – гнилой, липкой, въевшейся в камни за столетия. Человеческие отходы, крысиный помёт, дохлые рыбы, занесённые течением из реки. Всё это смешивалось в густой, удушливый смрад, от которого слезились глаза и сводило желудок.

Элис сделала шаг. Второй. Вода хлюпнула под ногами, холодная, маслянистая, поднимающаяся выше щиколоток.

– Стой, – раздался голос из темноты.

Детский. Почти мальчишеский. Но твёрдый, как у человека, который привык отдавать приказы.

Элис замерла. Из тени выступила фигура. Маленькая, тощая, с неестественно длинными руками и узкими плечами. Подросток – лет тринадцати, не больше. Одет в лохмотья, которые когда-то были курткой, лицо перепачкано сажей, волосы торчат в разные стороны, как у взъерошенного воробья.

Но глаза. Глаза были старые. Очень старые. Такие глаза бывают у людей, которые видели слишком много смертей и слишком мало надежды.

– Крот, – сказал подросток. – Меня так зовут. Будешь делать, что я скажу, не будешь задавать вопросов. Договорились?

Элис кивнула. Крот не стал тратить время на приветствия. Он схватил её за руку холодными и цепкими пальцами и рванул в темноту. Они побежали.

Элис не знала, сколько времени прошло – минуты, часы, вечность. В этом подземном лабиринте время текло иначе, тягучее, вязкое, как масло из той опрокинутой бочки в цитадели.

Крот не говорил ни слова. Он просто тащил её за собой, сворачивая то налево, то направо, ныряя в какие-то щели, перепрыгивая через ручьи грязной воды, протискиваясь между трубами, которые, казалось, вот-вот раздавят их обоих. Элис спотыкалась на каждом шагу. Её лёгкие горели. Ноги подкашивались. Тошнота подступала к горлу – от вони, от страха, от бесконечного, бессмысленного бега в никуда.

«Я не могу, – думала она. – *Я не выдержу. Я упаду сейчас, и они меня найдут, и всё было зря».*

Сверху, сквозь толщу камня, доносились приглушённые крики. Звон колокола. Топот сапог.

– Пожар в крыле для прислуги!

– Всех наверх!

– Кто-нибудь видел, откуда началось?

– Не знаем, господин офицер, не знаем!

Элис сжала зубы.

«Они ищут. Они уже ищут. Сколько у меня времени? Час? Полчаса?»

– Не отставай, – бросил Крот через плечо. – Ещё немного.

Он свернул в какой-то ответвление, такое узкое, что Элис пришлось повернуться боком и втянуть живот, чтобы протиснуться.

– Тут недалеко, – сказал он. – Ещё два поворота и спуск.

Она кивнула. Не могла говорить. Тошнота накатила снова – острая, неожиданная. Элис споткнулась, вцепилась в стену, согнулась пополам. Её вырвало жёлчью. Желудок конвульсивно сжимался, выталкивая наружу всё, что в нём было, но там почти ничего не осталось.

Крот остановился.

– Плохо? – спросил он без сочувствия. Просто констатация факта.

– Всё нормально, – выдохнула Элис. – Идём.

Она выпрямилась. Вытерла рот тыльной стороной ладони. Сделала шаг. Ноги не слушались.

– Сядь, – сказал Крот. – Минута у нас есть.

Она не стала спорить. Опустилась прямо в грязную воду, прислонилась спиной к склизкой стене. Закрыла глаза.

«Я не могу,– подумала она снова. *–Я слишком слабая. Слишком глупая. Слишком...»*

Её рука сама собой легла на живот. Там, под тканью серого платья, под кожей, под слоями мышц, спал тот, кто ещё ничего не знал об этом мире. О войне. О драконах. О матери, которая бежит через канализацию, спасая его от участи худшей, чем смерть.

«Держись, малыш». Она погладила живот – легонько, едва касаясь. *«Всё ради тебя. Ради тебя я пройду через эту вонючую дыру. Ради тебя я буду есть коренья и спать в лесу. Ради тебя я научусь жить без него. Ради тебя»*.

Тошнота отступила. Страх тоже. Осталась только холодная, чистая решимость.

– Я готова, – сказала Элис.

Крот кивнул и снова потянул её за собой. Последний поворот. Последний спуск. Впереди, в тусклом свете его фонаря, показалась решётка. Старая, проржавевшая, поросшая зелёной слизью. За ней – не чернота тоннеля, а движение. Свет. Шум. Вода.

– Река, – коротко сказал Крот. – И выход отсюда.

Он подошёл к решётке, ощупал края, нашёл задвижку. Дёрнул. Ржавчина осыпалась красной пылью, но задвижка не поддалась. Крот дёрнул сильнее. Никакого эффекта.

– Чёрт, – выдохнул он. – Заклинило.

Элис смотрела на решётку.

Сзади, где-то далеко в лабиринте, послышались голоса.

– Сюда! Следы ведут сюда!

– Быстрее, не упустите!

Крот выругался – длинно, виртуозно, как старый солдат. Навалился на решётку всем телом, пытаясь сдвинуть её с места. Бесполезно.

– Отойди, – сказала Элис.

Он обернулся.

– Ты чего?

– Отойди, – повторила она.

Он отступил. Элис подошла к решётке. В её кармане лежало два пера. Одно – стальное, с обсидиановым наконечником, подаренное месяц назад. Второе – такое же, подаренное сегодня. Она достала первое. То, что он дал ей в ночь, когда они впервые остались в библиотеке до рассвета. Она вставила тонкий обсидиановый наконечник в щель между решёткой и стеной. Нажала.

Металл дрогнул. Ржавчина посыпалась крупными хлопьями. Задвижка, протестующе взвизгнув, сдвинулась на миллиметр. Элис нажала сильнее. Ещё миллиметр. Ещё. Крот смотрел на неё круглыми глазами.

– Откуда у тебя такая силища? – выдохнул он.

Элис не ответила. Она думала о том, как Игнис держал это перо, когда вручал ей. Как его пальцы – сильные, тёплые, в мелких шрамах от молота и меча – касались её ладони.

«Оно не тупится».

– Не тупится, – прошептала она.

Задвижка поддалась. Решётка с протяжным, мучительным стоном распахнулась наружу. Холодный ночной воздух ударил в лицо.

Элис зажмурилась. После вонючей духоты канализации этот воздух казался идеальным. Пахло рекой, мокрым песком, прелыми листьями. И свободой.

Она открыла глаза. Река. Широкая, тёмная, быстрая. Северная река, берущая начало в ледниках, несущая свои воды к морю, к югу, к свободе. На берегу, укрытая плащом-невидимкой – грубой мешковиной, наброшенной на борта – покачивалась рыбацкая лодка.

– Вот, – Крот сунул ей в руки узел.

Тяжёлый. Там был хлеб, сыр, сушёное мясо. И ещё что-то – она не стала проверять.

– Вниз по течению три лиги, – заговорил он быстро, чеканя слова, как выученный урок. – Будет мельница с красной крышей. Спросишь у хозяина работу для беременной. Скажешь: «Лео прислал за щепкой для растопки».

Он помолчал.

– Он даст тебе ночлег. Дальше уже не моя забота.

Элис смотрела на него. В тусклом предрассветном свете он казался ещё моложе – лет одиннадцать, не больше. Худой, грязный, с огромными глазами на бледном лице.

– Как тебя зовут? – спросила она. – Твоё настоящее имя.

Он дёрнул плечом.

– Нет у меня имени. Крот – и Крот.

– А родители?

– Сгорели. В Кривбале, три года назад. Гримкор прилетал.

Он сказал это так же спокойно, как сообщил бы, что сегодня вторник или что вода в реке холодная. Элис сжала узел.

– Ты пойдёшь со мной? – спросила она. – Я не знаю, что там, внизу по течению. Но ты знаешь эти места. Ты мог бы...

– Нет, – перебил он. – Мне сюда.

Он посмотрел на решётку, за которой чернел вход в канализацию.

– Лео сказал: проводишь и назад. Я провёл. Меня ждут другие.

– Другие?

– Которые тоже хотят выбраться, – сказал Крот. – Которых тоже нужно вывести, пока их не сожгли.

Он отвернулся.

– Плыви давай. Светает.

Элис шагнула к лодке. Обернулась.

– Спасибо, – сказала она.

Крот не ответил. Он уже исчез в темноте канализационного лаза – бесшумный, быстрый. Как настоящий крот, уходящий в свою нору.

Лодка была старой, рассохшейся, с подгнившими бортами. Вёсла – одно целое, второе с трещиной посередине, перемотанное бечёвкой. Элис села на скамью, оттолкнулась от берега. Течение подхватило лодку сразу, понесло вниз, к югу, к свободе.

Цитадель оставалась позади. Она видела её на фоне светлеющего неба – чёрный, зубчатый силуэт, врезающийся в облака. Башни, шпили, стены. Тысячи окон, в одном из которых ещё недавно горел свет. Элис смотрела на цитадель, пока та не превратилась в точку, а потом и точка исчезла за поворотом реки.

Она осталась одна. Река несла её в неизвестность. Вокруг был только лес – чёрный, бескрайний, равнодушный. Над головой – серое небо, начинающее розоветь на востоке.

Элис положила руку на живот.

– Мы сделали это, малыш, – сказала она. – Мы свободны.

Лодка покачивалась на волнах.

– И мы одни. Совсем одни.

Она помолчала.

– Но у нас есть мы. Этого достаточно.

В кармане, у самого сердца, лежали два пера. Одно – с обсидиановым наконечником, которым она сдвинула ржавую задвижку. Второе – такое же, подаренное вчера, ещё хранящее тепло его рук. Она достала второе. Провела пальцем по холодному обсидиану.

– Прости меня, – прошептала она. – Прости за то, что не сказала. Прости за то, что ушла. Прости за то, что никогда не узнаешь, как я тебя...

Она не договорила. Слова застряли в горле, как рыбьи кости. Элис спрятала перо обратно в карман.

Река несла её вниз по течению. Мимо проплывали деревья, кусты, редкие рыбацкие избушки на берегу. Где-то запела птица. Ветер стих. Элис смотрела вперёд. Там, за поворотом, за лесом, за три лиги вниз по течению, её ждала мельница с красной крышей. А за ней – новая жизнь. Она оттолкнулась единственным целым веслом, направляя лодку в фарватер. И не оглядывалась больше.

Глава 8. Пепелище

Они возвращались победителями. Отряд втягивался во двор цитадели усталой, но гордой походкой – кони в мыле, всадники в пыли, вьючные мулы с трофейными шкурами волкорысей. Операция прошла безупречно: зверьё отогнали на восточные склоны, стаи разогнали, потеряли всего двоих солдат и одного дракона-разведчика, который неудачно приземлился на обледенелом склоне.

Игнис сидел на вороном жеребце во главе колонны. Он устал. Спать доводилось урывками, между стычками и переходами, еда была пресной, кофе – холодным. Под глазами залегли тени, на скулах – трёхдневная щетина, которую он забыл сбрить в последний привал.

Но внутри, глубоко под броней и мундиром, у него пело сердце.

«Я расскажу ей, – думал он. – О волко-рысях, о рудниках, о той старой карте, которая всё-таки пригодилась. Она улыбнётся – той своей редкой, сдержанной улыбкой, когда глаза теплеют, а губы остаются серьёзными. И скажет: «Я знала, что ты справишься».

Он не знал, откуда взялась эта уверенность. Просто за неделю разлуки он понял: ему не хватает не её ума, не её работы, не её острых замечаний за картами. Ему не хватало её.

«Когда я вернусь...»– начал он тогда, в библиотеке, и не закончил. Теперь он закончит.

Игнис осадил коня у ворот, ожидая, пока стража поднимет решётку.

Обычно это занимало несколько секунд. Сегодня решётка не поднималась.

Дежурный офицер – молодой лейтенант, которого Игнис помнил ещё курсантом – стоял у ворот белый как мел. Его руки, сжимавшие древко знамени, мелко дрожали.

– Лорд Регент, – выдохнул он. Голос сел, сорвался в сиплый шёпот. – Лорд Регент...

Базальт нахмурился.

– Доложите обстановку, лейтенант. Что случилось?

Офицер сглотнул. Кадык дёрнулся.

– Происшествие, милорд... В жилом крыле для прислуги... Пожар...

Игнис замер.

– Пожар, – повторил он. Голос был ровным. Спокойным. Таким же, как перед битвой, когда нужно отдавать приказы, а не чувствовать.

– Да, милорд. Шесть дней назад. Ночью. Масло вспыхнуло... Хранилище для ламп... Огонь перекинулся на комнаты...

– Жертвы? – спросил Базальт.

Офицер посмотрел на него с ужасом.

– Одна... одна погибшая, милорд. Служанка. В своей комнате. Не успела выбраться...

Игнис смотрел на него. Он не спрашивал имя. Не спрашивал, в какой комнате. Не спрашивал ничего. Он уже знал.

Сердце в груди превратилось в кусок льда. Тяжёлый, холодный, острый. Он чувствовал, как этот лёд расширяется, заполняет грудную клетку, вытесняет воздух, кровь, жизнь.

– Где? – спросил он.

– Северное крыло, милорд. Цокольный этаж. Комната номер...

– Я знаю, где.

Он не слез с коня. Он просто исчез из седла. Базальт даже не успел окликнуть. Двор цитадели был огромным. Игнис никогда не замечал этого раньше.

Сейчас каждый метр, каждый камень, каждая ступень лестницы, ведущей в жилое крыло, казались ему бесконечными. Он бежал – не шёл, бежал, срывая дыхание, распугивая стражников и слуг, которые шарахались от него, как от воплощённого пламени.

«Нет, – думал он. – Нет, нет, нет».

Коридор. Знакомый. Он был здесь однажды, ранним утром, когда тишина ещё не успела проснуться. Тогда он шёл медленно, стараясь не спугнуть, не нарушить хрупкое равновесие между ними. Сейчас он бежал.

Коридор всё ещё пах гарью. Запах въелся в камни, в штукатурку, в деревянные перекрытия, которые чудом уцелели. Даже свежая побелка, которой поспешно замазали стены, не могла перебить этот сладковатый, тошнотворный дух горелого дерева, горелой ткани, горелой плоти.

Игнис стоял у порога. Того, что осталось от порога. Дверной проём зиял чёрной пустотой – косяки обуглились до состояния древесного угля, петли оплавились и стекли вниз ржавыми сосульками. Внутри, за этим провалом, лежало пепелище.

Игнис шагнул внутрь. Каморка изменилась до неузнаваемости. Потолок обрушился – балки прогорели насквозь, рухнули вниз, погребая под собой тюфяк, сундук, стол. Всё, что не сгорело, было раздавлено. Всё, что не раздавилось, обуглилось до черноты.

Стены – те, что уцелели – покрыты копотью. Толстым, жирным слоем, въевшимся в камень навсегда. Игнис стоял посреди этого пепелища. Он не знал, сколько времени прошло. Может быть, секунда. Может быть, вечность.

Где-то за его спиной Базальт отдавал приказы, разгонял зевак, требовал отчётов. Голоса доносились приглушённо, словно через толщу воды.

Игнис смотрел в угол. Там, где раньше стоял сундук. Где за сундуком, на стене, были нарисованы руны. Теперь стена была пуста. Копоть, сажа, следы огня. Но никаких чёрных спиралей. Никаких знаков. Никаких следов того, что здесь когда-то жила женщина, умевшая упаковывать боль в бесконечные витки.

«Она стёрла их, – подумал Игнис. – Перед тем как...»

Он не позволил себе закончить мысль.

Начальник стражи – толстый, краснорожий дракон в человеческом облике – мялся за его спиной, перебирая пальцами ремень перевязи. Он явно не знал, куда девать глаза, и от этого моргал чаще, чем сова на свету.

– Лорд Регент, – начал он, и голос его дрожал. – Я могу засвидетельствовать, что расследование проведено со всей тщательностью...

– Расследование, – повторил Игнис.

Не вопрос. Констатация.

– Да, милорд. Немедленно по обнаружении возгорания. Мои люди опросили всех свидетелей, осмотрели место происшествия, составили протокол...

– И?

Начальник стражи сглотнул. Кадык дёрнулся.

– Огонь начался в хранилище льняного масла, милорд. Смежная комната, двумя дверями левее. Вероятно, опрокинули лампу. Масло разлилось, вспыхнуло... Пламя перекинулось на коридор, на отделку стен, на двери. Комната служанки Элис оказалась прямо на пути огня.

Игнис молчал.

– Она... – начальник стражи запнулся, – она не успела выбраться. Дверь заклинило от жара. Когда мои люди взломали её, было уже поздно.

Он протянул руку. На раскрытой ладони лежал маленький, оплавленный кусочек металла.

– Останки сильно обгорели, милорд. Но мы опознали по... по этому. Заколка для волос. Женщины из прислуги часто носят такие. Дешёвая работа, медный сплав, обсидиановая крошка в оправе. Служанку Элис видели в этой заколке за день до пожара.

Игнис смотрел на заколку. Маленькая. Уродливая. Дешёвая подделка под настоящий обсидиан – стекло с блёстками, оправленное в дырявый металл. Не та, что он подарил. Совсем не та.

Он взял её. Металл был холодным. Семь дней прошло, огонь давно остыл, но Игнису казалось, что заколка всё ещё жжёт пальцы.

– Она была у неё, – сказал он.

Не вопрос. Утверждение.

– Да, милорд. Свидетели подтверждают.

Игнис сжал заколку в кулаке. Металл хрустнул.

– Похоронить с почестями, – сказал Игнис.

Начальник стражи заморгал.

– Милорд?

– Жертву пожара. Служанку Элис. Похоронить с почестями, достойными верной служительницы цитадели. Официальное соболезнование от имени Регента. Компенсацию семье – если есть семья. Если нет – пожертвовать на содержание лазарета для прислуги.

– Милорд... она была всего лишь...

– Я сказал, – перебил Игнис.

Начальник стражи заткнулся.

Он не понимал. Ничего не понимал. Для него это было рядовое происшествие, несчастный случай, досадная потеря дешёвой рабочей силы. Зачем Регенту возиться с какой-то служанкой? Но он был достаточно умён, чтобы не задавать вопросов.

– Будет исполнено, милорд, – сказал он.

Игнис кивнул. Он принял ложь. Публично, официально, перед лицом стражи, офицеров, всех, кто мог видеть и слышать. Он принял версию о несчастном случае. О погибшей служанке. О заколке, опознанной свидетелями. Он сделал это, чтобы они перестали искать. Чтобы настоящий след остыл так же быстро, как остывали угли в этом проклятом коридоре. Чтобы тот, кто устроил этот пожар – и тот, кто ушёл через него, – получили фору.

– Какая трагическая случайность, - голос был мягким, вкрадчивым, струящимся, как тёплый мёд по льду.

Игнис не обернулся. Хризолит возник на пороге коридора бесшумно, как всегда. Его идеально вычищенные сапоги не коснулись ни одного пятна сажи на полу. Камзол из тёмно-зелёного бархата сиял безупречной чистотой. На губах играла сочувственная полуулыбка.

– Я потрясён, – продолжил он, приближаясь. – Такая молодая, такая... перспективная. И надо же – такой нелепый конец.

Он остановился в двух шагах от Игниса, сложив руки на животе.

– И как трогательно, что вы лично почтили её память, лорд Регент. Не каждый правитель снизойдёт до... прислуги.

Игнис молчал. Хризолит вздохнул – идеально выверенный, полный соболезнования вздох.

– Конечно, – задумчиво протянул он, – в таких случаях всегда возникают вопросы. Несчастная девушка, работавшая в самом сердце цитадели, имевшая доступ к важной информации. И вдруг – пожар. И вдруг – смерть.

Он покачал головой.

– Я не хочу никого обвинять, боже упаси. Но вы же знаете этих людей, лорд Регент. Они хитры, изворотливы, умеют притворяться. Кто знает, что на самом деле скрывалось под личиной смиренной служанки?

Пауза.

– Может быть, несчастная что-то знала? Может быть, её устранили свои же, человечки, за излишнюю близость к драконьей власти?

Хризолит посмотрел на Игниса с приторным сочувствием.

– Как больно, наверное, осознавать, что вы пригрели змею на груди.

Игнис повернулся к нему. Лицо его было спокойно. Абсолютно, пугающе спокойно. Ни гнева, ни боли, ни сомнения. Только лёд.

– Советник Хризолит, – сказал он. – Вы выразили соболезнования. Я их принял. Доклад окончен.

Хризолит улыбнулся.

– Разумеется, лорд Регент. Я лишь хотел...

– Вы хотели высказать предположения, не имеющие доказательств, – перебил Игнис. – В присутствии офицеров стражи и моего капитана. Это называется клевета на погибшую. Я не рекомендую продолжать.

Хризолит замер. Улыбка на его лице стала чуть шире – и чуть холоднее.

– Прошу прощения, милорд. Я не хотел нарушать этикет.

– Хотели.

Пауза.

– Тем не менее, – сказал Хризолит, – я позволю себе заметить: столь бурная реакция на смерть простой служанки может быть истолкована превратно. Люди склонны к сплетням. Особенно когда видят, что Регент...

– Регент что? – тихо спросил Игнис.

Хризолит посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

– Ничего, милорд. Просто забота о вашей репутации.

Он поклонился – безупречно, до градуса – и бесшумно исчез в коридоре.

Базальт подошёл к Игнису.

– Он знает, – тихо сказал старый капитан. – Или догадывается.

– Пусть.

– Если он начнёт копать...

– Пусть копает. Ему нечего будет найти.

Игнис разжал кулак. На ладони лежала обгоревшая заколка – сплющенная, искалеченная, бесполезная. Края впились в кожу, оставив глубокие красные борозды.

– Она ушла сама, – сказал Игнис. – Не Хризолит, не сопротивление. Она ушла.

Базальт молчал.

– Вопрос: почему? Чего она боялась? Меня? Или того, что я сделаю, если узнаю правду?

Он сжал заколку снова.

– Или она просто... устала притворяться.

Базальт смотрел на друга.

– Что будешь делать? – спросил он.

Игнис поднял глаза.

– Искать, – сказал он. – Всю жизнь, если понадобится. И когда найду...

Он не договорил.

Игнис не помнил, как вернулся в свой кабинет. Не помнил, как сел в кресло, как взял в руки перо, как попытался работать. Перо не слушалось, было чужим в его руках. В правой руке он всё ещё сжимал что-то. Он разжал пальцы. На ладони лежала обгоревшая заколка.

Маленький кусочек металла, оплавленный, искалеченный, с остатками обсидиана, вплавившегося в железо. Он нашёл её в углу, под обломками сундука, среди пепла и сажи.

«Я буду беречь его», – сказала она тогда.

Не сберегла. Игнис сжал заколку в кулаке. Острый край впился в ладонь. Потекла кровь – тёплая, красная, драконья. Он не чувствовал боли.

Дверь кабинета закрылась за Базальтом, отсекая коридор с его шорохами, голосами, жизнью.

Игнис подошёл к окну, встал спиной к Базальту, спиной к карте, спиной ко всему миру. Смотрел на горы – тёмные зубья, впившиеся в бледное небо.

Базальт ждал. Он стоял у двери, сложив руки за спиной, и молчал. Тридцать лет дружбы, тридцать лет совместных битв, походов, бессонных ночей над картами – они научили его одному: в такие минуты слова не нужны. Нужна тишина. Игнис нарушил её первым.

– Докладывай, – сказал он.

Не обернулся. Голос – ровный, безжизненный, как у того, кто разучился чувствовать.

Базальт шагнул вперёд.

– Дверь в хранилище взломана, – сказал он. – След от лома на внутренней стороне замка. Свежий, не тронутый огнём. Кто-то открывал дверь изнутри после того, как начался пожар.

Пауза.

– Тело подменное. Я проверил останки. Женщина, лет семнадцати-восемнадцати, рост ниже Элис, телосложение другое. Следов чахотки на костях я не искал, но готов поставить свою пенсию: это та самая служанка, что умерла в лазарете днём ранее. Её тело исчезло из морга в ночь пожара.

Игнис молчал.

– Масло, – продолжил Базальт. – Хранилище. Кто-то опрокинул бочку намеренно. Промасленная тряпка тянулась от лужи к её двери. Это не несчастный случай. Это поджог.

Пауза.

– Она бежала, Игнис. Или её увели силой, но я ставлю на первое. Следов борьбы нет, крови нет, вещи – самые ценные – исчезли. Тёплая одежда, припасы. Она готовилась.

Игнис кивнул. Один раз. Коротко.

– Я знаю, – сказал он.

Базальт замолчал. Тишина в кабинете стала густой, вязкой, как смола. За окном ветер гнал тучи на восток, где-то внизу перекликалась стража, но здесь, в этой башне, время остановилось.

– Официально, – сказал Игнис, – она мертва.

Он повернулся от окна. Лицо его было спокойным. Даже пугающе спокойным. Ни боли, ни гнева, ни сомнения.

– Погибла при пожаре. Жертва несчастного случая. Похоронить с почестями, компенсацию семье – если семья найдётся. В отчётах записать: служанка Элис, три года службы, безродная, безродная, безродная.

Он помолчал.

– Убита сопротивлением. Если спросят – отвечай: Регент считает, что это месть за её близость к драконьей власти.

Базальт кивнул.

– А неофициально, – продолжил Игнис, – ты найдёшь её.

Голос его стал тише, но твёрже – сталь, прошедшая тысячу закалок.

– Тайно. Всеми ресурсами, которые у тебя есть. Всеми связями, всеми осведомителями, всеми кротами в сопротивлении. Подними архивы, проверь старые явки, простучи каждую ячейку от Севера до столицы. Мне всё равно, сколько это займёт времени и сколько будет стоить.

Он шагнул ближе.

– Если она жива и её удерживают силой – ты вернёшь мне её. Живой, невредимой, любой ценой. Если она...

Он замолчал. Базальт ждал.

– Если она предала, – сказал Игнис, – и ушла сама... ты всё равно найдёшь её. И доложишь мне.

– А когда найду, милорд? – тихо спросил Базальт. – Что тогда?

Игнис посмотрел на свои руки. На правой ладони, в том месте, где острый край заколки впился в кожу, запеклась кровь. Тёмная, почти чёрная.

– Тогда я спрошу её, – сказал он. – Почему.

Он сжал кулак. Кровь потекла снова.

– А если она ответит? – спросил Базальт. – Если скажет, что боялась? Что хотела защитить? Что не могла иначе?

Игнис молчал долго.

– Это неважно, – сказал он наконец. – Важен только выбор. Она сделала его, не сказав мне. Не дав мне права выбирать с ней вместе.

Он поднял глаза.

– И за это она умрёт. От моей руки.

Базальт смотрел на друга. Он помнил Игниса молодым – горячим, импульсивным, верящим в справедливость. Помнил его в день назначения – испуганного мальчика в слишком большом кресле, который сжимал подлокотники так, что на дереве оставались следы когтей.

Помнил, как этот мальчик превращался в Регента – месяц за месяцем, год за годом, теряя иллюзии, приобретая цинизм, учась носить свою маску.

Но даже в самые тёмные времена, даже после самых страшных битв, даже когда Совет прижимал его к стенке и требовал крови – в глазах Игниса всегда оставался огонёк. Живой. Почти человеческий.

Сейчас этого огонька не было. Остался только лёд. Холодный, древний, драконий – тот, что позволяет сжигать деревни и не чувствовать жара.

– А те, кто устроил этот пожар? – спросил Базальт. – Кто помог ей бежать? Кто дал припасы, карту, проводника?

Игнис смотрел в окно. На горы. На север. На то, что осталось от его мира.

– Я сотру их в порошок, – сказал он.

Голос его был ровным. Спокойным. Таким, каким он отдавал приказы на поле боя.

– Каждую ячейку сопротивления на Севере. Каждого, кто шепчет слово «свобода». Каждого, кто носит в кармане старый медный жетон или знает пароли.

Он помолчал.

– Я сожгу их леса, отравлю их колодцы, перекрою их торговые пути. Я пущу по их следу лучших ищеек. Я поставлю цену за голову каждого лидера, каждого связного, каждого, кто хоть раз передал записку.

Он повернулся к Базальту.

– Я наполню эти земли не дымом от их костров. Я наполню их пеплом.

Пауза.

– Пепел будет их единственным наследием.

Базальт смотрел на него. Он хотел сказать: «Ты не такой. Ты не чудовище. Ты просто потерял её и теперь не знаешь, как жить с этой потерей». Он хотел сказать: «Она бежала не от тебя. Она бежала за чем-то – за жизнью, за свободой, за будущим. Может быть, вы ещё встретитесь и всё объясните друг другу». Он хотел сказать: «Не делай этого. Не становись тем, кого ты сам ненавидишь». Но он ничего не сказал.

Потому что тридцать лет дружбы научили его не только молчать в нужные минуты. Они научили его, что иногда долг важнее правды. А его долг – служить.

– Исполню, лорд, – сказал Базальт.

Голос его был твёрд. Он склонил голову в коротком, формальном поклоне. И вышел. Дверь закрылась.

Игнис остался один. Он стоял у окна, сжимая в кулаке обгоревшую заколку, и смотрел на горы. Где-то там, за лесами и реками, за перевалами и границами, бежала женщина с серыми

глазами. Она думала, что спасает его. Она думала, что защищает. Она думала, что он никогда не узнает правду.

«Ты ошибаешься, Элис, – подумал Игнис. – Я узнаю. Я найду тебя. И тогда ты ответишь мне. За всё».

Он разжал кулак. На ладони лежала обгоревшая заколка – сплющенная, искалеченная, бесполезная. Рядом с ней – капля крови, уже засохшая, тёмная. Он сжал заколку снова.

– Клянусь, – сказал он тихо. – Клянусь огнём своего рода, клянусь Севером, который я удержу любой ценой, клянусь памятью матери и честью отца.

Он поднял глаза к небу.

– Я найду тебя, Элис. И когда я найду...

Он не закончил.

Ветер за окном ударил в стекло, и где-то далеко, в горах, завыли волко-рыси.

Глава 9. Где ты?

Река замедлила бег. Элис чувствовала это кожей – течение стало ленивее, шире, вода успокаивалась перед долгим сном в низинах. Лодка слушалась плохо, так и норовя уплыть в прибрежный камыш. Она оттолкнулась веслом – единственным уцелевшим. Второе давно потерялось где-то в водоворотах.

Мельница возникла из предрассветного тумана внезапно, как призрак. Красная крыша – когда-то яркая, теперь выцветшая до кирпичного – проступила сквозь молочную пелену первой. Потом показались стены – тёмное, подгнившее дерево, замшелые углы, покосившееся крыльцо.

Элис гребла к берегу. Лодка ткнулась носом в илистую отмель, вздрогнула, замерла. Тишина. Только вода журчит под днищем, только ветер шуршит камышом, только где-то далеко, на востоке, начинает розоветь небо.

Элис поднялась. Ноги не слушались – затекли от долгого сидения, от холода, от напряжения. Она перешагнула через борт, ступила в ледяную воду, чуть не упала. Выпрямилась. И увидела её.

Женщина стояла на крыльце мельницы, прижимая к груди фонарь. Стекло запотело, огонёк дрожал, отбрасывая на её лицо тёплые, живые блики. Она была старой. Очень старой – старше Марты, старше Лео, старше всех, кого Элис встречала в цитадели. Морщины избороздили её щёки, лоб, шею. Но глаза у неё были молодые. Светлые, внимательные, всё понимающие.

– Лео прислал, – сказала Элис. Голос сорвался в хрип. – За щепкой для растопки.

Старуха смотрела на неё долго. Очень долго. Потом перевела взгляд ниже – на живот, прикрытый мокрым подолом серого платья, на руки, судорожно сжимающие край лодки, на мокрые волосы, выбившиеся из-под платка.

– Беременная, – сказала она.

Не вопрос. Констатация.

– Да.

– От дракона.

Элис молчала. Старуха кивнула – медленно, тяжело, словно подтверждая то, что знала ещё до её появления.

– Заходи, – сказала она. – У огня поговорим.

Она повернулась и исчезла в тёмном проёме двери. Элис сделала шаг. Второй. Третий. Обернулась на лодку, на реку, на туман, на то, что осталось за спиной. Там, за лесом, за поворотом, за десятью лигами воды и камня, спала цитадель. Там, в северной башне, в кабинете с картой во всю стену, сидел человек, который обещал сказать ей что-то, когда он вернётся. Она уже была не с ним. Элис отвернулась и вошла в мельницу.

Она сидела у огня. Старуха дала ей сухую одежду – грубую, чужую, пахнущую дымом и травами – и миску горячей похлёбки. Элис держала ложку в руках, но не ела. Смотрела на пламя.

«Где ты сейчас? – думала она. – Спишь? Работаешь? Или уже знаешь? Наверное, знаешь. Базальт сказал тебе. Или ты сам догадался. Ты ненавидишь меня. Думаешь, я предала. Думаешь, я ушла к сопротивлению, к своим, к тем, кто хочет твоей смерти. Ты ищешь меня, чтобы отомстить». Она закрыла глаза.

«Прости меня».

Элис на секунду прикрыла глаза, а потом снова открыла. Положила руку на живот. Там, внутри, ещё ничего не чувствовалось – ни движения, ни толчков, ни намёка на жизнь. Только она и её знание.

«Ты не знаешь, – подумала она. – Ты не знаешь, что я унесла с собой. Ты не знаешь, что мы теперь связаны навсегда. Ты не знаешь о нём». Она погладила живот. *«Может быть, это и к лучшему»*.

Она задула свечу. Легла на узкую лавку, укрылась рваным одеялом. Закрыла глаза. *«Спи, малыш, – подумала она. – Завтра будет новый день. Новая дорога. Новая жизнь. А он... он останется там. В своей башне. Со своей картой. Со своей ненавистью. И никогда не узнает»*.

Она заснула. И во сне ей снились горы, северный ветер и чьи-то тёплые руки, касающиеся её лица.

***

Игнис не спал десять дней. Он перестал замечать время – ночи сливались с днями, рассветы с закатами, доклады с приказами. Он работал, потому что работа убивала тишину. Он отдавал распоряжения, потому что голос заглушал мысли. Он смотрел на карту, потому что карта не смотрела на него с укором.

На столе перед ним лежало перо. Стальное, тонкое, с наконечником из полированного обсидиана. Идеально сбалансированное, смертоносное в руках каллиграфа. Точно такое же, как он подарил ей в их последний вечер.

Игнис сжимал перо в руке так сильно, что грани впивались в ладонь. Он не чувствовал боли. Он вообще перестал что-либо чувствовать десять дней назад.

На стене перед ним висела карта Северных земель. Теперь он смотрел на неё не как правитель, а как охотник. Вот здесь, в этих лесах, прячутся ячейки сопротивления. Легенды, партизаны, беженцы – те, кто шепчет слово «свобода» и верит, что драконью империю можно победить вилами и топорами. Вот здесь, в этих болотах, у них схроны. Здесь – явки. Здесь – каналы связи с югом, с портовыми городами, с контрабандистами, которым плевать на политику, лишь бы платили. Вот здесь – старая лесопилка. Идеальное место для побега. Его взгляд остановился на этой точке.

– Базальт, – сказал он не оборачиваясь.

– Милорд? – Старый капитан ждал у двери, как ждал все эти десять дней.

– Лесопилку. Три лиги вниз по течению. Подними архивы – кому принадлежит, кто арендует, кто из местных там ошивается. И проверь мельницу рядом. И все хутора в радиусе пяти лиг.

– Слушаюсь.

– И ещё. – Игнис помолчал. – Найди мне список всех, кто умер в лазарете за день до пожара. И всех, кто работал в морге. И всех, кто имел доступ к телу.

Базальт кивнул.

– Будут сопротивляться, – сказал он. – Ваши методы... Совет может воспринять их как превышение полномочий.

Игнис повернулся к нему. В свете свечей его лицо казалось высеченным из того же обсидиана, что и наконечник пера. Ни кровинки, ни тени сомнения. Только ледяная, всепоглощающая решимость.

– Пусть воспринимают, – сказал он. – Пусть судачат. Пусть пишут доносы. Пусть Хризолит ежедневно отправляет в столицу курьеров с отчётами о моём безумии.

Он сжал перо.

– Я найду её. И тех, кто ей помог тоже. И когда я найду...

Он не закончил. Базальт ждал.

– Идите, капитан, – сказал Игнис. – У вас много работы.

Базальт вышел. Игнис остался один. Он смотрел на карту. На лесопилку. На реку. На мельницу с красной крышей, которую Базальт обведёт кружком завтра утром. Он не знал, что женщина с серыми глазами уже причалила к этой мельнице. Он не знал, что старая женщина с

фонарём уже открыла перед ней дверь. Он не знал ничего. Только сжимал в руке перо, которое она не взяла с собой, и ждал.

Он смотрел на своё отражение в тёмном оконном стекле. *«Я не знаю, – подумал он. – Я не знаю, зачем ты ушла. Не знаю, что ты чувствовала в последнюю минуту. Не знаю, думала ли ты обо мне вообще. Я не знаю ничего. Кроме одного»*. Он сжал перо так сильно, что металл жалобно скрипнул. *«Я найду тебя»*.

Утро сменило ночь. Но он не ложился. Стоял у окна, сжимая в руке перо, и смотрел, как за горами занимается рассвет.

«Завтра, – подумал он. – Завтра я начну искать. Завтра я стану тем, кого они боятся. Завтра я перестану быть тем Игнисом, которого ты помнишь. А сегодня... сегодня я ещё помню. Твои глаза. Твой голос. Твою улыбку. То, как ты смотрела на меня в библиотеке. То, как ты произносила моё имя».

Он закрыл глаза.

– Элис, – тихо позвал он.

Никто не ответил.

Глава 10. Две жизни

Забор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.